

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В.Я. ЖЕЛЕЗНОВ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ
ПЕРВЫХ РУССКИХ
АГРОНОМОВ**

(XVIII — начало XIX вв.)

Москва 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

УДК 332.01+821.161.1
ББК 65.321+4г 84 (2Рос=Рус)6
Ж51

Составитель,
автор вступительной статьи
и комментариев
В.Л. Телицын

Железнов, Владимир Яковлевич
Ж51 Экономические воззрения первых русских агрономов (XVIII — начало XIX вв.) / Ин-т всеобщей истории Рос. акад. наук; В. Я. Железнов; Сост., вступительная статья и комментарии В. Л. Телицына. — М.: Принципиум, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-9903270-2-3.

Исследование Владимира Яковлевича Железнова (1869–1933) посвящено изучению профессионального мировоззрения русских агрономов в период XVIII — начало XIX вв., которое базировалось на многовековом опыте отечественных земледельцев, традициях русского народа, западноевропейских новациях. Отечественный агрономический опыт нашел отражение не только в многочисленных трудах по сельскому хозяйству, но и в сказаниях, пословицах, поговорках и других письменных и устных источниках, которые и послужили документальной основой для работы автора.

В.Я. Железнову удалось не только аккумулировать богатый фактографический материал, но и сравнить уровень состояния российской агрономии как науки с уровнем развития экономики страны в целом, и с общественной мыслью, и с постановкой дела подготовки специалистов, и с изданием специализированной литературы, и проч. Все это дает возможность говорить о работе В.Я. Железнова как об очень важном исследовании, расширяющем наши знания по истории Отечества, истории экономической мысли и практической агрономии.

Для широкого круга читателей.

УДК 332.01+821.161.1
ББК 65.321+4г 84 (2Рос=Рус)6

© Телицын В.Л., составление, вступительная статья,
комментарии, 2015

ISBN 978-5-9903270-2-3 © Оформление. ООО «Принципиум», 2015

От составителя 7

Предисловие автора 11

Глава первая 15

Следы дум и забот о сельском хозяйстве в великорусских пословицах, приметах и поговорках. Монахи как сельские хозяева. Хозяйственная складка организаторов монастырей (Пафнутий Боровский, митрополит Даниил). Колонизаторская роль монастырей. Причины успешного ведения хозяйства монастырями: отсутствие отвлекающих обязанностей, упорядоченность жизни, постоянство и обеспеченность владения, обилие капиталов. Привилегии монастырей. Дары монастырям, вклады и пожертвования на помин души. Рост монастырских богатств и упадок монастырских нравов. Организация хозяйственного управления в монастырях. Сложность монастырского хозяйства. Монастыри как капиталисты-банкиры. Захватнические операции монастырей. Реакция против приобретательства — нестяжатели, боярские публицисты, правительство. Прогресс сельского хозяйства в XV–XVI вв. Сельскохозяйственный кризис второй половины XVI столетия и времени Смуты. Дух хозяйственного управления в монастырях XVI и XVII вв. Монастырские наказания XVI–XVII вв.

Глава вторая 50

Взгляды служилых людей на сельское хозяйство. Домострой Сильвестра. Были ли служилые люди хорошими хозяевами? Служебные обязанности. Необеспеченность поместного владения. Недостаток капиталов. Разорение служилых людей во время кризиса второй половины XVI столетия и в Смуту. Восстановление служилого землевладения в XVII в. Препятствие хорошей постановке хозяйства у средних и мелких помещиков. Хозяйство больших бояр. Материалы о вотчинном управлении Б.И. Морозова и кн. Н.И. Одоевского. Хозяйство царя на дворцовых землях. Наказы воеводам. Заботы о садоводстве. Царский хутор в селе Измайлове. Вотчинный дух царского хозяйства. Дворцовые мастерские. Мысли и советы по вопросам сельского хозяйства Юрия Крижанича.

Глава третья 91

Мероприятия по сельскому хозяйству при Петре Великом. Заботы о расширении пашни. Меры к развитию различных отраслей хозяйства. Табаководство. Разведение конопли. Садоводство. Улучшение рогатого скота. Коневодство. Овцеводство. Заботы об общем улучшении земледелия. Проект Любераса. Передача заведования мероприятиями по сельскому хозяйству Камер-коллегии. Распоряжение об уборке хлеба косами.

Мысль о подготовке специалистов по сельскому хозяйству. Попытка перевода трактата Гоберга. Объединение и усиление дворянства при Петре и его ближайших преемниках. Закон о единонаследии (слияние поместий с вотчинами). Смещение крепостного крестьянства и холопства. Любители земледелия из сотрудников Петра. Инструкция Артемия Волынского. Мысли Посошкова о сельском хозяйстве и крепостном праве.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ123

Меры правительства после Петра к обеспечению правильного поступления податей и требования к дворянству. Меры против уклонения от службы. Жестокое взыскание недоимок. Манифест 31 декабря 1736 г. об ограничении срока службы дворянства. Указ 1737 г. о смотрах недоноселей. Перевод «Флориновой экономии». «Лифляндская экономия». Увеличение прав и привилегий дворянства. Улучшение условий сбыта сельскохозяйственных продуктов. Развитие роскоши в верхнем дворянском слое. Дальнейшее усиление дворянства при Елизавете. Монополии вельмож. Отмена внутренних пошлин. Учреждение банков. Дворянская привилегия винокурения. Преимущества дворян при поставках на армию. Сложение недоимки по подушному сбору. Культурное развитие дворянства. «Ежемесячные сочинения». Статьи по сельскому хозяйству. Первые экономические работы Рычкова. Интерес к сельскому хозяйству Ломоносова. «Экономические записки» Татищева. «Учреждения» для управления поместий гр. П.А.Румянцева. Меры правительства по сельскому хозяйству при Елизавете (коннозаводство, овцеводство).

ГЛАВА ПЯТАЯ164

Манифест о вольности дворянства. Меры к установлению свободы хлебной торговли и другие законодательные акты в пользу земледелия. Учреждение Вольного экономического общества. Его состав и общее направление его деятельности. Отношение к физиократам. Мысли о сельском хозяйстве в «Наказе» Екатерины II. Роль Клингштета в начале деятельности Вольно-экономического общества. Предложение о развитии вывоза пшеницы. Первая анкета Вольного экономического общества. Ответы прокуроров и вольных корреспондентов. Проект Елагина. Ответы на задачу Общества о составлении наказа управителю имением на время отсутствия владельца. Мнение членов Вольного экономического общества об усовершенствованных системах земледелия. Клингштет. Болотов. Воспитание Болотова. Служба его в канцелярии русского губернатора в Кенигсберге. Отставка и отъезд в деревню. Начало знакомства с агрономической литературой и сельскохозяйственная практика в своем имении. Устройство садов. Сотрудничество в «Трудах» Вольного экономического общества. Статья о разделении полей. Рекомендация мекленбургской системы. Попытка применить эту систему в дворцовом имении Княсовке. Прекращение опыта новым управляющим. Болотов как основатель частной агрономической прессы. «Сельский житель». «Экономический магазин».

ГЛАВА ШЕСТАЯ216

Изменения в быте провинциального дворянства после манифеста о вольности. Особые черты провинциальной интеллигенции. Патриархальность, положительность, любовь к назидательному чтению. Запросы к популярной агрономической литературе. Успех «Записок» Татищева в плагиате Друковцова и произведений типа «хозяйской» рецептурной литературы. Переводы и компиляции Левшина. Интерес среднего и мелкого дворянства к сельскому хозяйству. Характеристика отношения уездных дворян к хозяйству в «Генеральном соображении по Тверской губернии». Тип хозяйства последней четверти XVIII в. Развитие отдельных отраслей. Коннозаводство. Отсталость скотоводства в центральных губерниях. Пастбищное скотоводство на Юге. Слабые успехи улучшенного овцеводства. Распространение правильной трехпольной паровой-зерновой системы земледелия. Призыв иностранных колонистов не повлиял на изменение хозяйства русских крестьян. Развитие рыночного оборота сельскохозяйственных продуктов. Садоводство. Переработка сельскохозяйственных продуктов в помещичьих хозяйствах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ244

Идея самодовлеющего крепостного хозяйства у агрономов и публицистов второй половины XVIII в. Отношение их к оброчной и барщинной системам. Экономические воззрения кн. М.М.Щербатова. Взгляд его на причины дороговизны и голода. Практические предложения. Программа-максимум и программа-минимум. Утопия Щербатова («Путешествие на землю Офирскую»). Распространение идей немецких камералистов. Перевод трактата Юсти. Оброчная система во второй половине XVIII в. Применение ее в имениях А.В.Суворова и В.Г.Орлова. «Уложение» В.Г.Орлова. Положение крестьян при оброчной системе. Барщинная система. Крепостной труд при барщине. Усиленная эксплуатация. Увеличение сельскохозяйственной продукции. Взгляды русских агрономов и публицистов второй половины XVIII в. на способы поощрения трудолюбия у русских крестьян. Олешев. Роман Воронцов. Клингштет. Автор статьи «О поправлении деревень». Пастор Грассман. Бернгарди. Возражения Болтина Леклерку. Радищев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ295

Движение в сторону рационального (по преимуществу английского) земледелия в последнюю четверть XVIII в. Первоначальный осторожный и скептический тон (Болотов, Левшин) сменяется восторженным восхвалением новых систем. Увлечение техническими новинками в ущерб экономике. Командировка в Англию студентов Киевской духовной академии. Пример Фридриха Великого. Перевод «Наставника земледельческого» Боудена профессором Десницким. Самборский, Комов, Ливанов. Ссуды дворянам в конце 80-х годов. Вторая анкета Вольного экономического общества. Перемена во взглядах Екатерины на применимость в России английских форм земледелия. Поощрение рационального

земледелия при Павле. Учреждение земледельческой школы в Павловске. Самборский как инициатор и первый директор школы. Второй директор школы — Бакунин. Предписание Павла о введении пятипольного севооборота у удельных крестьян. Доклад департамента уделов и учреждение образцового «усадебьшица». Заботы Экспедиции государственного хозяйства о специальных культурах, коневодстве и овцеводстве. Популярная агрономическая литература. «Деревенское зеркало». «Журнал о земледелии» гр. Клермон-Тоннера. «Описание моего владения» Радищева. Рознотовский, Бланкеннагель и другие пионеры травосеяния. Образцовые хозяйства Н.П.Румянцева и Д.М.Полторацкого.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ367

Увлечение рациональным хозяйством продолжается и в первое десятилетие XIX в. Задачи Вольного экономического общества о поощрении трудолюбия в нижних состояниях людей и о барщинной и оброчной системах. Ответ Джунковского. Характеристика барщинной и оброчной систем в «Historisch-Statistisches Gemälde» Шторха. Ответы Швиткова, Погодина и Богдановича. Мнения экономистов о невыгодности крепостного труда по сравнению со свободным. Шторх. Якоб. Ответ Якоба на задачу Вольного экономического общества. Развитие сельского хозяйства в начале XIX в. Освоение пустопорожных земель. Зачатки свеклосахарного хозяйства (завод Бланкеннагеля). Улучшенное овцеводство. Обсуждение выгод и условий применения усовершенствованных систем земледелия. Ответы Фрибе и Давыдова на задачу Вольного экономического общества о преимуществах копсельного хозяйства. Проект Захарова о хуторском расселении крестьян в связи с пропагандой шубартовой системы. Опыт травосеяния И.И.Самарина. Травосеяние у вологодских крестьян. Издания Вольного экономического общества по рациональному земледелию: «Круг хозяйственных сведений» и «Хозяйственные записки». Трактат Пиктэ. Русская академическая агрономия начала XIX в. Кукольник, Прокопович-Антонский, Нельдехен. Протест Ростопчина против увлечения английским земледелием. «Плуг и соха». Мысли Ростопчина как предвосхищение теории Тюнена.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ЖЕЛЕЗНОВА.....414

КОММЕНТАРИИ420

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В.Л. Телицын

Владимир Яковлевич Железнов родился 23 марта 1869 года в селе Одоевское Ветлужского уезда Костромской губернии в помещичьей семье.

Как и многие из его ровесников (имевших средства), Владимир Железнов окончил в 1887 году гимназию и тогда же поступил на юридический факультет одного из немногочисленных на тот период российских университетов — Киевского.

Во время учебы в университете, опять же, как и многие из его сверстников, увлекся «политикой» и даже входил в так называемое «общество заговорщиков», ставивших целью «выработку новой революционной программы построения подпольной революционной организации на новых началах», создания «широко разветвленного и в то же время строго централизованного заговора с перспективой широкого в дальнейшем участия в нем представителей рабочих и солдатских масс» и подготовки кадров для будущего революционного переворота. К следствию, правда, не привлекался, в 1892-м благополучно окончил курс и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию.

С 1896 года он уже приват-доцент Киевского университета Святого Владимира, читал курс статистики.

В 1898–1899 годах выступал с публичными лекциями по политической экономии, которые составили основу наиболее известного труда Железнова — «Очерки политической экономии», выдержавшего 8 изданий (Киев, 1899. Ч. 1–2; 8-е изд.: М., 1918–1919). В «Очерках» Владимир Яковлевич рассматривал самые сложные проблемы теории политической экономии: меновые отношения и связанные с ними процессы — конкуренцию, частную монополию, ценовую политику государства; взаимосвязь между понятиями цена, ценность и вопросами денежного и кредитного обращения и др. Труд Железнова пользовался значительной популярностью в среде либеральной интеллигенции и студенчества и широко использовался как пособие для самообразования.

В начале 1900-х годов Железнов командирован с научными целями в Германию. По возвращении он подготовил и издал свое исследование «Главные направления в разработке теории заработной платы» (Киев, 1904), в котором пытался критически осмыслить вопрос об источнике заработной платы, ее размерах как доли в общей массе чистого дохода общества.

В 1905 году Владимир Яковлевич успешно защитил эту работу в качестве магистерской диссертации в Московском университете.

Однако научные изыскания не могли оттеснить то внимание, которое уделял Железнов общественной ситуации в стране. В 1904 году он — член киевской группы «Союза освобождения», примыкал к кружку интеллигенции, группировавшемуся вокруг газеты «Киевские отклики» (в 1905-м — один из ее редакторов), в среде правой профессуры имел репутацию «марксиста» (в первых своих исследованиях Железнов действительно близко придерживался теоретических построений К.Маркса). Этот фактор сыграл свою роль, когда Железнов единогласно был избран юридическим факультетом Киевского университета на должность профессора — но забаллотирован университетским советом как «неблагонадежный».

Железнов был вынужден перебраться в Москву, преподавал экономические дисциплины и статистику в Московском сельскохозяйственном институте, Московском коммерческом институте, Городском народном университете им. А.Л. Шанявского (в последнем читал курс политической экономии применительно к проблемам кооперации).

В январе 1908-го В.Я. Железнов возглавил комиссию по разработке вопроса об организации кооперативного банка, созданную при Комитете о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах (при Московском обществе сельского хозяйства), а в апреле того же года он выступил на I Всероссийском кооперативном съезде в Москве с докладом, в котором изложил основные положения устава центрального банка кооперативного кредита (открыт под названием «Московский народный банк» 9 мая 1912 года; Железнов — председатель его ревизионной комиссии). Одновременно Железнов входил в редакцию 7-го издания «Энциклопедического

словаря» Товарищества «Братья А. и Н. Гранат и К°», где поместил ряд статей по экономике, статистике, финансам.

В 1915–1917 годах руководил работами финансовой комиссии «Общества имени А.И.Чупрова для разработки общественных наук», редактировал сборник «Вопросы финансовой реформы в России» (М.; Пг., 1915–1917. Т. I. Вып. 1–3; Т. II. Вып. 1; Т. III. Вып. 1).

Совместно с А.А.Мануйловым и при финансовой поддержке Московского научного института в память 19 февраля 1861 г. Железнов предпринял попытку публикации серии исследований по истории экономической мысли от «классической древности» и начала ее системного изложения до современных теоретических исканий, в 1916-м как 1-й выпуск I тома этой серии опубликовал свою монографию «Экономическое мировоззрение древних греков», задуманную еще в 1906–1907 годах и подготовленную с использованием его собственных переводов с древнегреческого языка. Последующие тома серий из-за событий 1917 года издать не удалось.

После Октябрьской революции 1917-го Владимир Яковлевич Железнов работал в Институте труда, в 1918–1919 годах был председателем отдела труда отделения комиссии Российской академии наук по изучению естественных производительных сил России; в начале 1920-х годов работал в Наркомате финансов, до конца жизни был профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в конце 1920-х — начале 1930-х годов сотрудничал в комиссии по истории знаний при Академии наук СССР. Основная сфера научных интересов Владимира Яковлевича Железнова в 1920-х годах — история русской экономической мысли, однако его работы практически не публиковались. И одна из работ ныне предлагается вниманию читающей и думающей публики. Рукопись «Экономические воззрения первых русских агрономов (XVIII — начало XIX в.)» была подготовлена автором к публикации в 1932 году. Однако общественно-политические процессы, набравшие обороты в стране, начиная с конца 1920-х годов, поставили крест на возможной публикации. По всей видимости, В.Я. Железнов до конца своих дней (он умер в 1933 году) работал над рукописью, делая добавления, исправления, пояснения, то сокращая, то

расширяя текст. В 1940 году рукопись попала в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина (ныне — Российская государственная библиотека), где и хранится до настоящего времени (НИОР РГБ. Ф. 218. Д. 379.). Выражаю большую благодарность сотрудникам Научно-исследовательского Отдела рукописей Российской государственной библиотеки за разрешение опубликовать это важное для отечественной науки исследование, а также А.А. Звереву и О.А. Пруцковой за огромную помощь в подготовке рукописи к изданию.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Русская теоретическая агрономия — явление сравнительно новое. Самая ранняя попытка передачи на русском языке западных агрономических знаний относится к 20-м годам XVIII столетия. Первые самостоятельные попытки рассуждения на агрономические темы появляются у нас не раньше половины XVIII в., да и те теряются в подавляющей массе переводов и компиляций иностранных сочинений. Русские агрономы вначале учились почти исключительно по немецким пособиям, типа так называемой «хозяйской литературы» (Hausväterliche Literatur), которая очень подходила к невзыскательным вкусам русских сельских хозяев того времени. Она давала главным образом готовые рецепты на разные случаи деревенской жизни, не исключая моральных наставлений, медицинских советов и даже кулинарии, не вдаваясь глубоко вглубь изучения ни сельскохозяйственной экономики, ни естественнонаучных основ самой сельскохозяйственной техники. В том и другом отношении она была консервативна и предлагаемые ею улучшения хозяйства касались частных и мелочей, не затрагивая сложившихся экономических отношений и привычных технических приемов. Она привилась у нас чрезвычайно быстро и прочно, главным образом благодаря неутомимым трудам первых простодушных работников на нашей агрономической ниве — Болотова и Левшина¹. Она как бы продолжала старую русскую агрономическую традицию, заложенную еще в Московской Руси, традицию, которая складывалась рядом поколений прижимистых хозяев-практиков, осторожных, расчетливых и зорких «прибыльщиков», не упускавших ни одного из открывавшихся — в условиях крепостного хозяйства — источников их дохода.

К тому времени, когда в центре Русской равнины сложилось большое государственное целое, успешно продолжающее развивать свои территориальные границы и расширять область распространения упорядоченного земледелия,

крупными сельскими хозяйствами стали у нас править государство с его собственными вотчинами, верхний слой служилого класса, монастыри и иные духовные учреждения. Все они одинаково понимали задачи управления имениями, населенными крепостными и иными зависимыми людьми, и это свое понимание выразили в довольно многочисленных дошедших до нас указах управляющим, или, как теперь называется, приказчикам. От этих наказов к «хозяйской» литературе второй половины XVIII в. был прямой переход, да и сами просвещенные русские экономические деятели этого времени со своей стороны усердно упражнялись в составлении подобного рода наказов. Для избранной нами темы указанная традиция представляет интерес в особенности потому, что она свидетельствует о существовании у руководящих русских хозяев старого времени, при всей примитивности их агрономического мышления, определенной экономической точки зрения. Типичный сельский хозяин Московской Руси и России XVIII в. подходил к вопросам организации и ведения хозяйства прежде всего как экономист-практик, внимательно учитывающий внешнюю и внутреннюю экономическую обстановку своего хозяйства. При обилии свободных земель и дешевизне труда он старался, прежде всего, расширить пашни, превращая лесные местности в пахотные земли и подвигаясь все дальше вглубь мало использованных степных плодородных областей, заботился о возможном распространении технически наиболее высокой тогда трехпольной паровой-зерновой системы и приспособлял сельскохозяйственное производство к требованиям рынка, причем соответственно этим требованиям очень рано стал расширять применявшиеся и прежде для нужд домашнего обихода технические культуры: лен, коноплю и хмель. Преобладание экономической точки зрения сообщало русскому хозяйству крепостной эпохи, при всех его теневых сторонах, известную солидность и прочность. Нужды в коренных преобразованиях практически пока не чувствовалось. Злободневным вопросом экономики сельского хозяйства в то время была проблема соотношения между двумя основными системами крепостного хозяйства — оброчной и барщинной. Тяготение к барщинной системе во второй половине XVIII в. стало

усиливаться в кругах средних и мелких владельцев. Агрономические деятели и дворянские публицисты придали барщинному хозяйству особое принципиальное значение, видя в нем средство к устранению нежелательных на их взгляд явлений, возникающих в то время в русском народном хозяйстве. Капиталистические фабрики и внеземледельческие отхожие промыслы населения пробивали брешь в старом укладе крепостного хозяйства, и его защитники всеми силами старались доказать ненормальность и общественный вред такой тенденции экономического развития. В своем желании восстановить прошлое они идеализировали строй крепостных отношений и доходили до фантастических мечтаний о всеобъемлющем крепостном хозяйстве, руководимом просвещенными и заботливыми дворянами земледельцами, которое включало бы в себя вместе с земледелием и скотоводством и главные отрасли обрабатывающей промышленности. Ярким выражением такого идеала была утопия об Офирской земле известного поборника дворянских интересов кн. М.М. Щербатова². К технической стороне сельского хозяйства защитники и идеализаторы крепостной системы были довольно равнодушны. Некоторые предпочитали держаться старых приемов, не допуская в них существенных изменений, другие — относились с симпатией к некоторым нововведениям, заимствованным с Запада, в особенности к распространению новых культур, например, картофеля, «Горохового дерева»³ и др. Но у всех них экономическая точка зрения оставалась преобладающей.

В это же время, т.е. в последней четверти XVIII в., у нас возникает сильное параллельное движение в сторону рациональной агрономики, понимавшейся в смысле простого заимствования передовой агрономической техники. Оно шло не из Германии, отставшей в сельскохозяйственном отношении, а из революционизировавшей свое сельское хозяйство Англии. В связи с этим увлечением «англинским» земледелием наша агрономическая литература начинает перестраиваться на иной тон и сосредотачивает свое внимание по преимуществу на улучшении сельскохозяйственной техники, не заботясь о согласовании ее с экономическими условиями русского сельского хозяйства. В агрономических рассуждениях

экономический анализ вытесняется восторженным восхвалением новых усовершенствований приемов земледелия. Метод прежних агрономических писателей и практических сельских хозяев, относившихся всегда с большой осторожностью к техническим нововведениям именно из соображений экономического порядка, капитально забывается. Этот недостаток агрономической методологии не был исключительной особенностью наших агрономических исследований. Увлечение бьющими в глаза новинками сельскохозяйственной техники в ущерб экономике характеризует агрономическую литературу второй половины XVIII в. не только у нас, но и на Западе. Поэтому при быстром росте экономической науки в XVIII в. отрасль ее, называемая сельскохозяйственной экономией, развивалась туго, с трудом пробиваясь сквозь толщу агрономически-технических знаний, особенно нагромождавшихся во второй половине XVIII в. Зависимость сельскохозяйственной техники не от одних естественных, но и социальных условий, инстинктивно сознававшаяся всеми серьезными хозяевами-практиками, нашла себе научное выражение сравнительно поздно, после того, как под влиянием успехов политической экономии агрономы стали отчетливо ставить вопрос о наивысшем чистом доходе, как цели рационального сельского хозяйства и когда была выяснена природа этого дохода. Не удивительно, что и наша агрономическая мысль с трудом разбиралась в экономике сельского хозяйства, предпочитая перенимать агрикультурную технику передовых стран. Впрочем, это увлечение, широко распространенное в литературных и аристократических земледельческих кругах, почти не захватывало преобладающей массы средних и мелких хозяев-практиков, которые продолжали идти своим привычным, более надежным путем, чем тот, на который звали много знающие, но недалекновидные энтузиасты блестящих агрономических изобретений Запада. Вскоре и из среды самых крупных и высокопоставленных землевладельцев раздался громкий протест против неразумного подражания англичанам. В памфлете «Плуг и соха» известный павловский вельможа, ловкий делец и остроумец Ф.В.Ростопчин выставил ряд существенных возражений хозяйству, предвосхитив в существе будущую знаменитую теорию Тюнена

о зависимости земледельческих систем от расстояния от рыночного центра⁴.

В настоящем этюде мы пытались проследить экономические воззрения русских агрономических деятелей до установления специальной науки о сельском хозяйстве в новейшем значении этого слова, т.е. до учения Тэера, проникшего к нам в первой четверти XIX столетия и создавшего прочную основу для агрономических исследований и у нас⁵. Это довольно продолжительный период, с обширным и пестрым материалом, не всегда обособленным, с редкими и неотчетливо со знательными проблемами научной мысли. Он образует некоторое законченное целое, охватывая медленный процесс первоначального роста, первых зачатков самостоятельной работы и научной выучки по западным образцам. Необходимо было, прежде всего, собрать и привести в порядок разнообразные источники, в которых скрываются эти первые зерна и молодые ростки нашей экономической мысли в ее приложении к проблемам русского сельского хозяйства.

Ввиду тесной связи развития русской экономической мысли в XVIII и начале XIX в. со старой агрономической традицией, мы предпослали характеристике экономических воззрений первых русских агрономов, т.е. деятелей, предъявлявших уже некоторые теоретические требования к изучению сельского хозяйства, краткий очерк взглядов старых русских хозяев-практиков, поскольку они отразились в дошедших до нас народных приметах, пословицах и поговорках, наказах духовенства и крупных бояр, а также и в иных исторических памятниках (две первые главы).

Среди лиц, изучавших наше агрономическое прошлое, выделяется покойный К.А.Вернер⁶, вносящий в эту работу много истинной научной пылкости и любви к делу. Но и его историко-агрономические очерки отрывочны и неполны, написаны по отдельным поводам, часто очень спешно и иногда страдают неточностями. Общей картины развития нашей агрономической мысли он не дал, так же как и другие наши агрономические писатели. Поэтому, избрав темой настоящего труда экономические воззрения ранних русских агрономов, мы не имели перед собой сколько-нибудь законченного обзора общего движения агрономической мысли в России,

и потому были вынуждены излагать имеющийся материал несколько подробнее, чем это нужно было бы при иных условиях. Это сказалось увеличением объема книги при всем желании сделать изложение более компактным и кратким.

Часть этого исследования была сообщена автором в докладе, прочитанном им 26 мая 1929 г. в комиссии по истории знаний при Всесоюзной академии наук. Автор считает долгом выразить глубокую признательность учреждениям и лицам, содействовавшим появлению в свет настоящей работы, в особенности же сотрудникам специального зала Библиотеки имени Ленина, рукописного отделения Русской публичной библиотеки (сейчас Российская национальная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. — В.Т.), Библиотеки I-го Московского государственного университета.

*Москва, Петровско-Разумовское.
1932 г.
В[ладимир] Ж[елезнов]*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

.....

Следы дум и забот о сельском хозяйстве в великорусских пословицах, приметах и поговорках. Монахи как сельские хозяева. Хозяйственная складка организаторов монастырей (Пафнутий Боровский, митрополит Даниил). Колонизаторская роль монастырей. Причины успешного ведения хозяйства монастырями: отсутствие отвлекающих обязанностей, упорядоченность жизни, постоянство и обеспеченность владения, обилие капиталов. Привилегии монастырей. Дары монастырям, вклады и пожертвования на помин души. Рост монастырских богатств и упадок монастырских нравов. Организация хозяйственного управления в монастырях. Сложность монастырского хозяйства. Монастыри как капиталисты-банкиры. Захватнические операции монастырей. Реакция против приобретательства — нестяжатели, боярские публицисты, правительство. Прогресс сельского хозяйства в XV–XVI вв. Сельскохозяйственный кризис второй половины XVI столетия и времени Смуты. Дух хозяйственного управления в монастырях XVI и XVII вв. Монастырские наказания XVI–XVII вв.

.....

Первые следы размышлений и забот русских людей о сельском хозяйстве дошли до нас в народных приметах, пословицах и поговорках, в наказах земледельцев управляющим их имениями, в уставных грамотах монастырей, поучениях духовных лиц, правительственных наказах, порядных записях, писанных книгах и других исторических памятниках. Земледелие велось на Руси с незапамятных времен*, хотя оно стало преобладающим, наиболее характерным народным промыслом с продвижением населения на север и северо-восток, в глухие лесистые пространства бассейна верхней Волги. Здесь и в соседнем озерном крае оно было гораздо труднее, чем на привольных черноземных степях южной России, и народная фантазия сложила именно в этих суровых местах былинку о чудном земледельце-пахаре

* Уже у древнерусских племен прежний «скотий бог» Велес или Волос превратился из покровителя пастушеской жизни в земледельческое божество, покровителя домашнего скота. (См.: Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 298.)

Микуле Селяниновиче* или Селягиновиче, превышающем силою самых могучих богатырей. И действительно, долгое время русское сельское хозяйство созидалось и поддерживалось главным образом трудами и мыслью пахаря. Первым русским агрономом был мужик, и впоследствии, когда рядом с ним на агрономическую арену выдвинулся сначала монах, потом дворянин, мужик продолжал играть самую видную роль в культурном освоении обширных пространств центральных и северных местностей, постоянно открывающихся перед ним с усилением мощи Московского государства плодородных южных окраин. Юридическое положение крестьянина при этом имело мало значения. Он рано стал попадать в зависимость от более богатых людей**, но и работая

* Некоторые исследователи относят былины о Микуле Селяниновиче к сравнительно позднему периоду — к началу XV в. Былина о встрече Микулы с Волгой рисует точную картину «северной пахоты — в губерниях Новгородской, Псковской, Олонецкой и друг., где пашни иногда сплошь усеяны валунами, то мелкими, о которые постоянно почеркивают омешки сохи, то крупными, которые приходится огигать при пахании. Только соха чудесного пахаря Микулы Селяниновича могла великие камни вывертывать и в борозду валить. Вывертывание корней также указывает на северные почвы, расчищенные среди леса, а не привольные обширные пахотные пространства на южном черноземе». (См.: *Миллер В. [Ф.]* Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. Т. 1: I–XVI. С. 168–169.)

** В древней Руси неимущему человеку при большой дороговизне скота и сельскохозяйственных орудий было трудно завести самостоятельное хозяйство, и он, волей-неволей, занимал необходимый капитал у богатого земледельца и садился на его земле. Скопить деньги на самостоятельное хозяйство простым наймом на работу было почти невозможно. Хлебников вычисляет, что при тогдашнем отношении цен на рабочие руки и стоимости скота и сельскохозяйственных орудий работнику понадобилось бы для обзаведения собственным хозяйством не меньше 12 лет, если бы он сберегал около $\frac{2}{3}$ всего своего заработка. Еще труднее было вырваться из долговой зависимости. В «Русской правде» содержится расчет натурального приплода скота (по которому давший его займы мог требовать себе возвращение долга), настолько фантастически грамотный, что он представляется скорее досужим вымыслом любителя арифметических выкладок, ибо практически применяться он никак не мог, кроме признания должника несостоятельным, и, следовательно, вечного закабаления: начинается он статьей «об овцах» буквально следующего содержания: «А от 20 овец от двою приплода на 12 лет 90 000 овец и 100 овец и 12 овец, а боранов 90 000 и 100 и 12 боранов, а всего боранов и овец на 12 лет 180 000 и 200 и 23. А овца метана по 6 ногат, а боран по 10 резан. А за то все коунами 40 000 гривен и 5000 гривен и 50 гривен...

на других работах, в сельскохозяйственном отношении действовал самостоятельно, ведя упорную борьбу с мало податливой природой и руководствуясь при этом своим собственным разумом, а не указаниями земледельцев. Он принимал одинаковое участие со свободными земледельцами в накоплении того громадного запаса наблюдений и мыслей, который сохранился в народной памяти в своеобразной форме сельскохозяйственных примет, пословиц и поговорок. Запас этот особенно усиленно наполнялся со времени отлива населения из южной Руси на северо-восток, где постепенно сложилась великорусская народность. Земледелие становится здесь преобладающим занятием и хотя продолжает сочетаться с разнообразными промыслами (звероловство, лесное пчеловодство-бортничество, рыболовство), но больше всего привлекает к себе мысли и заботы.

Сами по себе народные сельскохозяйственные приметы содержат мало агрономической мудрости. Часто отмечают совершенно несуществующую связь случившихся когда-то событий, но они служат ярким свидетельством пристального и постоянного внимания ко всему, что имеет какое-либо отношение к сельскому хозяйству. Крестьянская мысль веками работала в области сельскохозяйственных вопросов и находила различные практические способы их разрешения, формулируя не столько самую суть размышлений и опытов, сколько отмечая некоторые внешние признаки, ставя как бы условные знаки на память о своих мыслях. Приметы, в которых схватывается долго наблюдавшаяся связь явлений, чередуются со случайными отметками памяти, но, в общем, ярко свидетельствуют о постоянной работе мыслей и чувств в этом направлении. Достаточно просмотреть соответствующие разделы

и 40 резан». Далее идут такие же исчисления о козах, свиньях, вепрях, кобылах, телице, пчелах и разного рода зерновых хлебах и сене (Карамзинский список). (Текст Русской правды на основании четырех списков разных редакций / издал Н. Калачов. СПб., 1889. С. 19–20.) Впоследствии проценты по денежным ссудам были установлены Владимиром Мономахом не свыше 10 кун на гривну, т.е. 20% (гривна = 50 кун), но едва ли эта норма строго соблюдалась. Но она была достаточно высока, чтобы помешать должнику развязаться со своим долгом. (См.: *Хлебников Н.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 230–234.)

словаря Даля, чтобы убедиться, насколько глубоко захватывало русского человека сельское хозяйство. Об этом давно уже говорили Ключевский (см. его блестящую характеристику великоросса в 1-й части «Курса русской истории») и Глеб Успенский (не без тенденциозности, в связи с его заветными мыслями о «власти земли»)⁷. Укажем несколько характерных примеров. Работать на земле надо усердно: «Держись за сошеньку, за кривую ноженьку», «Сей хлеб, не спи, будешь жать, не станешь дремать», «До солнца пройти три покоса, ходить будешь не босо». Необходимо подготовить почву: «Положу навоза кучу, так и Богу не кучусь», «Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка», «Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто», «Глубже пахать, больше хлеба жевать», «Кто мелко заборонит, у того рожь мелка». Сей хорошими семенами: «Посеешь крупным зерном, будешь с хлебом и вином», «Лучше голодай, а добрым семенем засевай». Не теряй времени для посева: «Кто рано сеет, семян не теряет», «Днем раньше посеешь, неделей раньше пожнешь». Приноравливайся к особенностям разных хлебов: «Рожь говорит: “Сей меня в золу да в пору!” овес говорит: “Топчи меня в грязь, так буду князь!”», «Не сей пшеницы раньше дубоваго листа». Ходи хорошо за скотиной: «Сыпь коню мешком, так не будешь ходить пешком», «Конь тощей — хозяин скупой», «Погоняй коня не кнутом, а овсецом», «Сенным конем не ездить, соломенным конем не орать», «Не вымем корова молоко дает, а рылом», «Животину водить — не разиня рот ходить». Следи за погодой: «Сей под погоду, будешь есть хлеб год от году», «Много снегу — много хлеба, много воды — много травы», «Снегу надует — хлеба прибудет», «На дубу лист в пятнах — быть яровому так», «Сухой март, а май мокрый, дают хлеб добрый», «Осень прикажет, а весна свое скажет», «Не моли лета долгаго, моли теплага», «Летний день за зимнюю неделю», «День летний — год кормит». Множество примет к ненастью (свинья визжит, собака траву ест, куры квохчут и т.д.). Присматриваясь к погоде со своей постоянной думой об урожае, крестьянин создал себе обширный метеорологический календарь, где на каждый день, а особенно на дни, более памятные как большие праздники, имеются приметы, иногда целый ряд примет. Только что управившись с осенними работами, обобрав хлеб

и вступив в зиму, крестьянин начинает задумываться о будущем урожае: 14 ноября он замечает: «Иней в Филиповку — урожаем овса». 6 декабря: «Иней на Николу к урожаю». Особенно много примет на Рождество: 24 декабря — Коляда. Кутья. «Коли в кутью небо звездисто — богатый приплод скота и много ягод». «На Рождество опоха (иней) — урожаем на хлеб; небо звездисто — урожаем на горох». «На Рождество Христово метель — пчелы хорошо роиться будут». «Если на Рождество путь хорош — к урожаю гречи» и т.д. Также много примет на Крещение (Богоявление, 6 января): «На Богоявление снег хлопьями к урожаю; ясный день к неурожаю». «Звездистая ночь на Богоявление урожаем на горох и ягоды». 24 января отмечается как перелом зимы: «Аксиньи полухлебницы, полужимницы. Половина старого хлеба съедено. Половина срока осталось до нового хлеба». На Сретенье (2 февраля) мысли уже клонятся к весне: «На Сретенье снежок, весной дожжок». Надо готовиться: на Симеона (3 февраля): «расчиная починки (чинят летнюю сбрую)». Вот и весна: 1 марта: «Евдокии-подмочи порог, Авдотьи плющихи». «Авдотья красна — и весна красна». «Авдотья весну сряжает». Однако холода еще долго будут: 9 марта — «сорок Мучеников, сорок утренников». Мысли об урожае становятся все настойчивее: 12 марта: «На Феофана туман — урожаем на лен и коноплю». 17 марта: «Алексея — с гор вода». «Каковы на Алексея ручьи, такова и пойма». 25 марта: «На Благовещенье дождь, родится рожь». В апреле весна уже идет вовсю, надо браться за дело: 1 апреля — «Марья зажги снега; заиграй овражки». 8 апреля: «Родиона ледолома. Уставь соху: пашня под овес». 15 апреля: «На Св. Иуда — доставай пчел из-под спуда». 16 апреля — Ирины рассадницы: «Сей капусту на рассадниках (срубках)». 17 апреля: «Зосимы пчельника: разставляй ульи на пчельнике». 18 апреля: «Сей морковь и свеклу на Козьму». «К 23 апреля (Егорьев день) кончай сеять яровые». Мысль обращается опять к урожаю трав и хлеба: «Егорий с теплом, а Никола с кормом», «Егорий с водой, а Никола с травой», «На Юрья дождь — скоту легкий год», «На Егорья роса — будут добрые проса». «Коли на Юрья березовый лист в полушку, то к Успению клади хлеб в кадушку». В мае виды на урожай определяются ближе: «Коли в мае дождь, будет и рожь»,

«Май холодный — год хлебородный». 1 мая: «Коли на Еремея погоже, то и уборка хлеба пригожа». 5 мая: «На Ирину худая трава из поля вон (выжигают покосы, луга)». 6 мая — день Иова горошника: «Приходи работать на белые горохи». 14 мая: «На Сидора сиверко, и все лето таково. Первый посев льну». 18 мая: «Кли на Св. Федота на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой». 20 мая: Фалелея огуречника: «На Леонтия и Фалелея сади огурцы». 21 мая: «На Олену сей лен». «Лены Олене, огурцы Константину». Прошло лето, и хлеб подобрался, «июнь, ау»: «Закромы в амбарах пусты». Работы идут своим чередом в июне: «Федорова дня пошла наводница». 13 июня: Акулины гречушницы — гречу сеют, жарко, скот донимают оводы: «Акулины вздери хвосты». 24 июня: конец сухой погоде: «Вымолитите, попы, дождя до Ивана, а после и мы грешные умолим». 27 июня: «Самсона сеногноя». 29 июня готовься к сенокосу и жатве. «Ладь косы и серпы к Петрову дню». 3 июля: «На дворе пусто, да на поле густо». Пора и жать: 20 июля — «пророк Илья лето кончает, жито зажинает». Начинаются ненастные дни: «До Ильи поп дождя не умолит; после Ильи баба фартуком нагонит». В августе уже поспевают плоды: «На второй Спас и нищий яблочко съест». Пора готовить пашню под озимые. До Успенья (15 августа): «Пахать — лишнюю капну нажать». Кончают уборку хлебов: 26 августа — Наталии овсяницы — косят овес. Настала осень: «Холоден Сентябрь, да сыт». 24 сентября: «Феклы заревницы (замолотки)». Молотят хлеб: «На заревницу, хозяину хлеба ворошек, а молотильщикам каши горшок». 25 сентября: «На Сергия капусту рубят». 27 сентября: «Савватия пчельника». Убирают ульи. Сельскохозяйственный год подходит к концу. 28 октября: «Парасковьи-льняница» — жнут лен. 29 октября: «Авраамия овчара», праздник овчаров. Анастасии овечницы». 1 ноября: «На Козьму и Демьяна — куриная смерть (режут кур)». А там уже мысли обращаются к новому году, к новому урожаю, и так движется земное колесо деревенской жизни*.

* *Даль В.И.* Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Владимира Даля. Изд. 2-е, без перемен. СПб., 1879. Т. 2. С. 488–496, 534–559, 586–596. См.: *Рыбников П.Н.* Быт русского народа в его пословицах. М., 1859; *Буслаев Ф.И.*

Ранние письменные памятники с агрономическим содержанием относятся большей частью к XVI и XVII вв., когда окончательно сложились основные формы землевладения Московской Руси — дворцовые, вотчинные, поместные, церковные и черные земли. Лучшими хозяевами этого времени были монастыри и другие духовные владельцы. Даже первые основатели и устроители монастырей, при всей их аскетической настроенности, обычно отличались крепкой хозяйственной складкой. Таков был известный Иосиф Волоколамский⁸, выполнявший, когда было нужно, самые черные работы, но в то же время не упускавший из виду ни одной возможности увеличить владение и повысить благосостояние основанного им монастыря. О Пафнутии Боровском осталось воспоминание как о неумолимом и образцовом хозяине. Он сам вел сложное монастырское хозяйство, когда монастырь сильно разбогател, сам принимал вклады и поминки, составляющие самую важную статью в средствах монастыря, входил во все мелочи домашнего монастырского хозяйства, следил за ловлей, приемом и соленьем рыбы и за всякими работами по монастырю, был искусен во всяком деле человеческом*. Как сильны были инстинкты хозяина у деятелей церкви, показывают известные поучения ученика Иосифа Волоколамского по игуменству, впоследствии митрополита Всея Руси Даниила (с 1522 г.)⁹, в которых пафос моралиста часто переплетается с думами и заботами хозяина. Он настойчиво и с негодованием протестовал против лености, распространяемой в различных слоях тогдашнего общества, но особенно высоко ценил земледельческий толк. Любопытно, что, вооружаясь как блюститель чистоты нравов против распущенных мирских увлечений, Даниил советует заменять их наряду с любованием красотами природы хозяйственными заботами по дому и именио**.

Русский быт и пословицы // *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки народной словесности и искусства. Т. 1. С. 96–111.

* *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкая Сергиевы Лавры... М., 1879. С. 49–50, 187; *Хрущов И.П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. 12–13, 20–30.

** «Аще хоцещи прохладитися, изыди на предверие храмины твоея и видь: небо, солнце, луну, звезды, облака ови высоци, овиже нижайше... <...> Аще хо-

Были ли монастыри действительно хорошими хозяевами, сказать трудно. Их прогрессивная роль в сельском хозяйстве Удельной Руси и Московского государства выразилась главным образом в обширной колонизации северо-восточных просторов, почти не затронутых до того земледельческой культурой. В первое время монастырской жизни монастыри служили еще как бы крупными страховыми организациями на случай общественного бедствия*, потом их благотворительная деятельность ослабела.

По мере того, как монастырь богател, изменялся состав и характер его братии, и прежний суровый образ жизни сменился более «прохладным». Среди иноков появилось много бывших бояр, иногда насильно постриженных, и они приносили в монастырь свои мирские привычки. Уже во второй половине XV в. упадок монастырской жизни стал бить в глаза. В монастыри скоро проникли все дурные стороны нравов того времени, склонность к щегольству, невоздержанность в пище, широкое гостеприимство с пышными пирами, пьянство, чванная обстановка жизни, обилие слуг. Особенно роскошью отличалось высшее монастырское духовенство. По словам митрополита Даниила, «начальники монастырей держали при себе в монастырях множество мирских слуг,

ищеши еще прохладитися, изыди на двор твой, и обойди кругом храмини твоя, сице же другую и прочая, также и двор твой, и аще что рассыпая, или пастися хочет, созидай, ветхая поновляй, неутверженная укрепи, прах и ной згребай в место, да ти к плодоносию вещь угодна будет; и аще хощеша вящше прохладитися, изыди во оград твой, и размотри сюду и сюду, яже к плодоносию, и яже к утвержению сътвори; или аще не достало ти есть, изыди на поле сел твоих и виждь нивы твоя, умножающа плоды ово пшеницею, ово ячмень и прочая, и траву зеленею шуща, и цветы красныя, горы же и холми и удолия, и езера, и источники, и реки и сими прохладяйся и прославляй Бога, иже тебе ради вся сия сотворшаго». (*Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения, М., 1881. Ч. 2. С. 543–545, 566. (разд. паг.); 69–72 (Отдел приложения). (Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских. 1881; Кн. 2)

* Особенно яркие воспоминания остались о благотворительной деятельности Иосифа Волоколамского, сторонника церковного земледелия, который на примере своего монастыря старался показать, что монастырское землевладение само по себе не является губительным для высших целей монашества. Он не только широко тратил монастырские средства на помощь пострадавшим от голода, но внушал и сильным мира делать то же самое (послание к князю Юрию Дмитриевичу, где кроме того он рекомендует установить таксу на хлеб).

цветоносных и младых юнош, и множество великих конь». Стремясь к большим духовным почестям и званиям, игумены и другие монахи из высших классов заискивали перед властями, добивались дружбы и благоволения высокопоставленных лиц, устраивали для них богатые обеды, делали им разного рода подарки, а иногда прибегали даже к простому подкупу*. Широкий размах монастырской жизни отразился и на рядовом монашестве.

Упадок монастырских нравов не мешал развитию хозяйственных способностей и приобретательских наклонностей монастырских старцев, а скорее стимулировал их. Монастыри развертывают энергичную деятельность на вполне реалистический лад, без примеси благотворительных и иных идеалистических соображений, становятся обычными прижимистыми хозяевами-практиками. Их хозяйственный кругозор суживается по сравнению с предшественниками**, и если они остаются все же хорошими хозяевами по сравнению со служилыми людьми, то главным образом вследствие своей большой хозяйственной устойчивости и обеспеченности, позволявшей им быть более спокойными и осторожными эксплуататорами своих естественных богатств и труда зависимых от них людей.

Служилым людям было трудно сравняться с ними в ведении хозяйства. Монахи были всегда на месте, не отвлекаясь, как служилые люди, военными и иными обязанностями. Они жили крупными коллективами, среди которых всегда

* Ярким свидетельством благодушия монашеской жизни служат сохранительские «церковные обходники», перечисляющие меню монастырской трапезы на обыкновенные дни и праздники с обильными кушаньями и напитками («в Сергиеву память, четвера рыба, до по /шести/ мер меду», в Никонову память «колачи, да рыба двоя, да пироги, до по четыре меры меду» и т.д. Троицкий столовый обходник). (*Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. С. 64–92; 410 (прил.).)

** И находим, напротив, у Иосифа Волоколамского понимание зависимости производительности труда от благосостояния работников. По сообщению одного из его биографов, он внушал светским вотчинникам, что не следует «чрез меру утруждать пахарей работою и даями. Обеднеет крестьянин, обеднеет и господин земли, отдохнет крестьянин на льготе, и господин не останется в убытке от него». Этих принципов он держался, по-видимому, и в управлении собственным монастырским хозяйством.

могли отобраться люди с хозяйственными способностями. Они привыкли к размеренной, упорядоченной жизни, с ее внешним благолепным укладом и невольно были склонны вносить порядок и в обычные житейские дела. В отличие от непрочного поместного владения служилых людей, владение монастырей закреплялось за ними на вечные времена, а сравнительно со светскими вотчинами, монастырские имения имели то преимущество, что не дробились, как первые, по наследству, а оставались за монастырем в непрерывном ряде поколений монастырских старцев. Кроме того, монастыри обладали весьма ценными привилегиями.

Во время татарского владычества некоторые монастыри получили от ханов ярлыки и тарханные грамоты¹⁰, которые защищали монастырских людей, их поля и имущество, и иногда освобождали от дани. Поэтому население стало группироваться около таких монастырей, «искале пустыню и не пощадеша, и составивши села и дворы многи» (слова биографа Сергия преп. Епифания¹¹). Князья дарили им села, и — что было важнее — давали также тарханные грамоты, освобождавшие от обязанностей в пользу княжеского (позднее царского) дворца и от целого ряда повинностей и сборов. Особенно много таких грамот было дано в XV в., но их продолжали давать (или подтверждать прежние) в XVI и XVII вв.* Монастырям дарили имения князья,

* Приведем для образца и постановление тарханской грамоты, данной 23 августа 1573 г. царем Иваном Грозным Новодевичьему монастырю: «...И кто у них в тех селех и деревнях (принадлежащих монастырю. — В.Ж.) учнуть жити слуг и попов и дияконов и дияков церковных, и людей монастырских и крестьян, и тем их людям и крестьяном, не надобе моя Царева... дань, ямские денги, ни примет, ни посощная служба, ни иные никоторые пошрины, ни помер, ни пятно, ни явка, ни наместнич, ни волостелины кормы, ни тиуны ни доводчики к ним не въезжают ни по что, ни к сотцким ни к десятским с черными людьми не тянут ни в какие протори, ни в розметы, ни города не делают, ни мостов не мостят, ни на ямех с подводами не стоят и ямских дворов не делают. А наместничы наши Московские и Бежецкие, и волостели и тиуны, их не судят, и приставов своих не дают и не посылают ни в чем» (кроме душегубства). Грамота освобождает монастырских слуг и крестьян от «своих Царевых... кормов и посолских кормов», и «на ям ямщиков, и всяким гонцом, где нибуди, у их слуг и у попов и дияконов и у людей и крестьян, подвод и проводников у них не имати... также у них наши князи и бояре, и воеводы ратные, и посланники, и всякие ездоки, в их селе и деревнях ни у кого силно не ставятся, ни кормов, ни подвод, ни проводников

а частные вотчинники жертвовали им часть своих вотчин на помин души. Наконец, — и этим монастыри особенно выделялись среди других сельских хозяев — они обладали крупными и непрерывно растущими денежными средствами, обильно притекавшими к ним в виде вкладов (при пострижении вклад был обязателен, а в монастырь под конец жизни вступали многие богатые люди) и разного рода пожертвований, а с развитием денежного хозяйства и в виде доходов с крестьян.

В то же время потребности монастырей были значительны. Много требовалось для одного прокормления многочисленной братии*. Кроме того, все устроители и правители монастырей очень заботились об украшении своей обители сооружением великолепных храмов с резными и позолоченными иконостасами, дорогими иконами, книгами, священными сосудами, о пышности церковных служб. Большой монастырь окружался обычно каменной стеной, имевшей иногда вид настоящей крепости (которой иногда и приходилось играть такую роль и на деле — например, при известной осаде Троицкой Лавры в Смутное время¹²). Нужно было много и других построек. Внутреннее расположение монастыря напоминало обширную боярскую или дворянскую усадьбу. Инвентарь монастыря был сложен. В грамоте 25 марта 1588 г., предписывающей описать имущество Коржежского монастыря¹³, заранее перечисляются описываемые предметы: церкви и все, что в них, «и всякое церковное

не... шеплют...» «Также не велел на их крестьянех... своих Царевых... повозов, ни иных некоторых розметных дел розметывати...» При покупках и продажах, совершаемых монастырскими крестьянами, духовными и светскими слугами, с этих покупаемых и продаваемых товаров «мыта и тамчи, ни померного, ни весчего, ни по рекам перевозу, ни мостовщин и ни никоторых пошлин не дают». Грамота предусматривает даже беспокойство от назойливых непрошенных гостей на монастырских пирах: «а боярские люди, и иные кто нибуди, к манастырским попом и к людям и к крестьяном, на пиры и на братчины к ним не ходят». (Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. № 188.)

* Из послания Ивана Грозного Кириллову-Белозерскому монастырю видно, что братия этого монастыря состояла в конце XVI в. (послание было отправлено, по-видимому, незадолго до смерти Грозного) из 400 человек. (Акты исторические. Т. 1. № 214. С. 406–407; Хлебников Н.[И.] О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 120.)

строение», деньги в монастырской казне, жалованные грамоты монастырю, его собственные грамоты и другие документы кабалы денежные и хлебные, и всякие монастырские крепости», а затем: «на погребях и на ... серебряные и медяные и оловянные и всякие поваренные суды (сосуды. — В.Ж.), и в сушилах всякие монастырские запасы, и на конюшенном дворе лошади, и на воловье дворе вола и коровы и всякую мелкую животину», села и деревни, размеры монастырской пашни «и по полем стоячего и в житницах молочного всякого хлеба, и что к тому монастырю доходу денежного и хлебного...»*

Высшее управление монастырским хозяйством, как и всеми монастырскими делами, сосредоточивалось в «монастырском соборе», на старших членах братии, под председательством игумена или архимандрита. Последствие тарханских грамот, жалованных монастырям, и управление монастырскими именными соединяли хозяйственные и административно-судебные функции. Более сложные судебные дела доходили до монастырского собора, мелкие и административно-полицейские ведались на местах монастырскими агентами-приказчиками (от обычного в тогдашней административной практике термина «быть приказе» — исполнять официальное поручение) с помощью доводчиков. Монастырский собор, назначая приказчика, давал ему наказ, в котором подробно расписывал следуемые ему и доводчику доходы и вообще размеры пошлин, взимаемым по судебным и административным делам, и главные правила ведения хозяйства и полицейского распорядка в имениях.

Хозяйство монастырей, как и других крупных земледельцев, при всей простоте тогдашнего быта было довольно сложным, и включало в себя по общему правилу наряду с земледелием разного рода промыслы. Монастырь зорко следил за тем, чтобы ни одна статья дохода не ускользнула из его рук. Крестьяне, сидевшие на монастырских землях, должны были помимо оброка или работы на монастырской пашне (барщины) выполнять много разнообразных повинностей на монастырь. Монастырская пашня появляется в монастырях

* Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. № 337. С. 407.

северо-восточной Руси издавна, сопровождаясь при натуральном строе хозяйства множеством всяческих других работ. Старейшая грамота, из напечатанных в актах Археографической экспедиции, данная митрополитом Киприаном Константиновскому монастырю², ярко рисует разнообразие работ, какие должны были выполняться на монастыре его крестьянами: «...большим людям из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игуменов жеребей весь ролю орать взгоном¹⁴, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и во двор ввезти, ез¹⁵ бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати, а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молотъ, пива варить, на семя рожь молотить; а лен дать игумен в села и они прядут, сежи и дели неводные наряжают; а дают из сел все люди на праздник яловицу... а в которое село приедет игумен в братшину и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым».**

Владения монастырей, достигшие больших размеров в XV в., продолжают расширяться и в течение XVI в., в особенности в первую половину его. Натуральный хозяйственный строй способствовал тому, что благочестивые благотворители монастырей несли свои вклады и пожертвования не деньгами, а натурой, в виде сел и деревень. С другой стороны, накопленные денежные средства монастыри пускали в живой оборот, давая ссуды и подмоги крестьянам, сажившимся на их землях, заселяя свои пустоши или запустелые земли и превращая их в культурное состояние и выручая служилого человека при сборе в поход и в иных случаях^{***}, снабжая его не-

* Грамота была дана в конце XIV в. (21 октября 1391 г.), но прописанные в ней правила воспроизводит еще более ранний порядок работ. «Монастырские сироты» (крестьяне) жаловались на трудность порядков, введенных новым игуменом, и митрополит, справившись у прежнего игумена, получившего в заведование новый монастырь, предписал восстановить работы и сборы, как было заведено раньше.

** Акты Археографической экспедиции... Т. 1. № 11. С. 12.

*** Яркую картину этой стороны монастырского хозяйства дают сохранившиеся в большом количестве порядные записи. Получая ссуду или подмогу от мо-

обходимым служилым инвентарем и другими вещами, давая денежные ссуды^{*}. Монастырь не оставался в накладе, потому что вместо денежного роста он брал в залог землю заемщика, которая и переходила при его неисправности во владение монастыря. Благочестивые заемщики, возбуждаемые кроме того и страхом божьего наказания по смерти, часто ликвидировали свои долги монастырю в своей духовной, присоединяя к землям, отдаваемым «за долг», еще добавочные земли «по

настыря, крестьяне обычно обязывались устраивать на новых местах дворы с разными хозяйственными постройками, исправлять старые, городить поля и иногда расчищать землю под пашни и луга. При этом на первое время новым поселенцам давалась льгота от уплаты оброка, чтобы дать им возможность наладить хозяйство. Так, двое крестьян заключили 23 ноября 1576 г. порядную на 1/6 часть обжи земли в Заверьяском погосте с подмогой в 2 рубля московских и двухлетней льготой, обязавшись «за ту подмогу нам и за лготу деревня розпахати и поля огородити, и старые хоромы починити и новые поставити, два хлева да мыльня; и как пройдут те лготные два годы, и нам давати в монастырь Николы Чудотворцу оброку по рублю по Московскому на год, и на дело на монастырское ходити, как иные крестьяне ходят». 10 января 1585 г. двое крестьян порядились с Вяжицким монастырем (в Вотской пятине) на одну обжу, с подмогой в 5 рублей, причем обязались «поставити в той пустой деревне двор, а на дворе хором, избу трех сажени и с углы новую, да клеть, да хлев с сенником полутретьи сажени, да мшаник дву сажени», причем освобождались от государева тягла на три года, «а монастырского нам оброку дати в два годы на год по рублю, а в третьей год дати нам оброку 2 рубля; а как та три годы минет, и нам Государевы всякие подати давати с обжи, как иные крестьяне Государевы подати всякие платят, и поселнищкое». Иногда крестьяне обязывались платить из доли урожая: так, 4 августа 1590 г. двое крестьян порядились с Вяжицким монастырем на 1 обжу с льготой на четыре года, с обычным обязательством поставить дворы и избы с плетнями и хлевами, «пашня розпахати, и поля росчистити, и городба около поль городити, и луга рочистити». По истечении льготных лет они обязывались «в монастырь давати... своей пашни, с обжи пятой сноп изо всякого хлеба... платити всякие Государевы подати, с волостью вмьместех». (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 178, 183, 186.)

* Князь Иван Васильевич Гундоров занял у Спасо-Евфимьева монастыря 3 коня, 5 меринов, 4 доспеха, спорок бархатный, все ценою 54 рубля, да деньгами 74 рубля. Федор Иванович Хабаров там же взял 7 коней и 9 меринов за 64 рубля, девять доспехов за 30 рублей и 150 рублей деньгами и кроме того 200 четвертей ржи, «полтретьяста» четвертей овса, да из казны монастырской шубу соболью под бархатом, да опашень зуфь голуба, а на нем 12 пуговиц серебряных, да людских 3 однорядки настрафильных, да три кафтана настрафильных, все платье ценою 53 рубля. (*Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 82.)

душе». Иногда монастырь, приобретая у жертвователя излишек его земли сверх вклада, уплачивал ему известную сумму (обыкновенно для ликвидации других долгов) — «сдачу» или «скуп», т.е. скупая земли запутавшихся в долгах земледельцев. По словам Ключевского, «они завели или деятельно поддерживали на тогдашнем земледельном рынке настоящую игру в крестьян и в землю, благодаря которой населенные имения переходили из рук в руки чуть не с быстротой ценных бумаг на нынешней бирже»^{*}. Монастырь в Московской Руси, — говорит другой историк, — сделался самым чистым типом земледельца и капиталиста^{**}.

Охваченные жаждой приобретательства, монастыри прибегали иногда к незаконным способам, насильственно отбирая себе заложенные земли^{***}.

Приобретательская деятельность монастырей вызвала в середине XIV в. сильную реакцию в среде самого монашества («нестыжательное» течение, возглавлявшееся Нилом Сорским и его последователями)¹⁶, большого боярства (резкие политические нападки на корыстолюбие монахов кн. Курбского¹⁷ и др.) и самого великокняжеского и царского правительства, обеспокоенного убылью необходимого фонда для

* *Ключевский В.* Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е [пересм.]. М., 1902. С. 276.

** *Рождественский С.В.* Служилое землевладение... С. 89. «В собственно-центральной ядре государства» ...вторая половина XVI века не уступает первой, часто даже превосходит ее по степени быстроты роста монастырских вотчин; главным образом, даже почти исключительно рост этот совершается на счет служилого вотчинного землевладения; не особенно редко встречается и приобретение за деньги; наконец, довольно часто в монастыри попадают чрезвычайно мелкие вотчинные имения, чуть не парцеллы. <...> ...Не может быть сомнения, что Центр Московского государства XVI века был районом крайнего развития крупного монастырского землевладения, и что параллельно этому развитию сокращались размеры служилой вотчинной земли». (*Рождов Н.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 421–427.)

*** Об этом определенно свидетельствует Соборный приговор 11 мая 1551 г.: «А которые Царевы Великого Князя поместные и черные земли задолжали у детей боярских и у христиан насилством поотоймали владыки и монастыри, или которые земли писцы нороя владыкам же и монастырем подавали, а называют владыки и монастыри те земли своими, а иные починки поставляли на Государевых землях: и того сыскати, чьи земли были изстари, за тем те земли и учинити». (Акты Археологической экспедиции... Т. 1. № 227. С. 218.)

испомещения служилых людей. Духовенство, однако, сопротивлялось упорно, и только через сотню лет после первых попыток ограничения церковного землевладения Иоанном III¹⁸ в последней четверти XVI в. были проведены решительные меры против передачи служилых земель монастырям и другим духовным владельцам (постановление 1573 и особенно — 1580 гг.).

Земель, однако, оставалось у монастырей и других духовных владельцев еще очень много, да и сам Грозный и его преемники продолжали жаловать земли монастырям и епископам и подтверждали за ними старые тарханские грамоты (с некоторыми ограничениями в XVII в.)^{*}.

Прочно усевшись на новых местах после двухвекового колониационного процесса, население Московского государства хорошо наладило сельское хозяйство, вводя повсюду, где было необходимо, трехпольную паровую-зерновую систему земледелия, применяя унавоживание почвы и приспособляя земледельческие орудия (замена старого тяжелого плуга, употреблявшегося при переложной системе, легкой сохой, более удобной при системе трехпольной). Где было возможно, полевые культуры разнообразились.

* В конце XVI в. Троице-Сергиев монастырь владел в 27 уездах 143 тысячами четвертей в каждом из трех полей пахотной земли, что составляет более 200 тысяч десятин во всех трех полях. Между тем это были далеко не все вотчины монастыря: он имел их на крайнем Севере, а также в Тверском, Бежецком, Клинском, Можайском и Нижегородском уездах, описание которых не сохранилось. Кирилло-Белозерский монастырь еще в 1551 г. владел 4 селами и 469 деревнями. В 1597–1600 гг. у Ипатьевского (Костромского) монастыря было 442 поселения и 9017 четвертей пахотной земли. Иосифов-Волоколамский монастырь в 1569 г. в одном Рязанском уезде владел 9404 четвертями пахотной земли в каждом поле и, кроме того, ему принадлежали земли в восьми других уездах. Вотчины Богоявленского монастыря находились в 10 уездах, Спасо-Евфимиева — в семи, Симонина — в 18, Чудова — в 10. Новодевичий монастырь во второй половине XVI в. владел землями в 14 уездах, общей сложностью в 19 670 четвертей пахотной земли в 723 поселениях. (Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси... С. 402, 426–429; Хлебников Н. [И.] О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. С. 120; Павлов А. [С.] Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. 1. Во многом не устарел до сих пор классический труд Вл. Миллютина. См.: Миллютин Вл. О недвижимых имуществах духовенства в России // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 1.)

Кроме всюду распространенных основных хлебов — ржи (озимь) и овса (ярь), сеяли еще пшеницу, ячмень, горох, гречиху, просо, также технические растения — лен, коноплю и хмель. Производство приспособилось к требованиям рынка не только внутреннего, но и внешнего. Так, в Новгородско-Псковской области, издавна связанной через Ганзу¹⁹ с западными рынками, было очень развито льнозаводство. С открытием англичанами пути через Белое море культура льна протягивается по линии, связывающей центральные части Московского государства с Архангельском (Вологда), как оживленный льняной рынок, и развивается в самых центральных областях (в теперешней Владимирской губернии, около Мурома), а постоянным и широким спросом англичан на пеньку и изделия из нее увеличивается производство конопли. «Уже в то время начинает определяться тот центр пенькового производства, который существует до настоящего времени, — это местности, лежащие при истоках Оки и Истомы»^{*}. Разведение конопли, обыкновенно в особых, тщательно унавоживаемых и обрабатываемых приусадебных конопляниках, отмечается в конце XVI в. в центральных областях и в южной степи (уезды Каширский, Епифанский), и в особенности Поднепровье (области Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и северские уезды) и Новгородских пятинах и Псковской области^{**}.

Во второй половине XVI в., начиная приблизительно с 60-х–70-х гг., сельскохозяйственный прогресс Московского государства был остановлен неожиданными для московских государственных властей обстоятельствами, явившимися последствием крупных завоевательных успехов. Завоевание Казани и присоединение Астрахани²⁰, постройка укрепленных линий на южной границе государства, открыли для вольского заселения обширные черноземные степные пространства, и население неудержимо потянулось туда, убегая от тягостей жизни в старом Московском центре. Многие селения запустели, и сельское хозяйство Московской Руси вступило в полосу

* Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. С. 213–214.

** Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси... С. 120–123.

длительного кризиса*. Служилое землевладение, и без того обремененное отлучками и походными нуждами владельцев, их безденежьем и задолженностью, пострадало очень сильно, частью в пользу монастырей с их крупными денежными богатствами. Но отлив населения не мог не сказаться и на монастырском хозяйстве, и оно агрономически спустилось на низшую ступень.

Земледельческий кризис второй половины XVI в. перешел в начало XVII в. — в Смуту — в полную хозяйственную разруху, которая опять не могла не отразиться и на хозяйстве монастырей и других духовных владельцев**. Но затем, с об-

* Упадок земледелия в центральных областях государства и бывших вольных землях — Новгородской и Псковской — был всеобщий. По данным, собранным Рожковым, в уездах Московском, Рузском, Дмитровском, Владимирском, Переяславском, Суздальском, Муромском и Тверском паровая-зерновая система, господствовавшая с 60-х гг. XVI в., сменилась к концу его переложной системой (за исключением Московского), где после кратковременного упадка земледелие стало несколько улучшаться. То же наблюдалось и в других уездах Центральной волости, за исключением пяти уездов, расположенных на западе и северо-западе Московского центра, где в конце века преобладала паровая зерновая система. (Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси... С. 66 и след.)

** В запустении монастырских земель в конце XVI в. Рожков усматривает признак вообще дурного ведения хозяйства монастырями, выступая против общепризнанного мнения. Но доводы, приводимые им в пользу своего взгляда, мало убедительны. Он отмечает, вслед за Рождественским, чрезвычайную разбросанность вотчин, в особенности центральных монастырей, затруднявшую надзор и управление, но ведь и у больших монастырей много вотчин было в их ближайшем соседстве, а надзор монастырских старцев за посылаемыми в дальние вотчины приказчиками был достаточно бдителен, чтобы не допустить больших расстройств в хозяйстве в обыкновенно спокойное время. Другой «не менее важной» причиной Рожков считает сильное развитие условного владения. Но собственная поместная система существовала на владычных (архиерейских, митрополичьих, потом патриарших) землях: у монастырей же условное владение начинается, по утверждению самого Рожкова, только с 70-х гг. XVI в., а в конце этого столетия ему наносится решительный удар правительственной конфискацией ряда таких земель, отданных монастырями во владение служилым людям, и передачи их обратно во владение монастырей. Преследовало ли при этом правительство цель привлечь всех служилых людей к службе исключительно одному государю и помешать им брать на себя обязательства по отношению к монастырям (как думает Рожков), или тут были какие-нибудь другие соображения, ясно одно, что после этого у служилых людей должно было явиться мало охоты брать себе монастырские земли в условное владение. Вот и все соображения, приводимые Рожковым в доказательство положения, что «вообще укorenившееся по традиции убеждение в цветущем состоянии хозяй-

щим государственным устроением, стало восстанавливаться и монастырское хозяйство. При царе Михаиле Федоровиче духовенство получает даже облегчение от стеснений²¹, наложенных на его земледельческое право актами конца царствования Грозного, и земля опять беспрепятственно переходит в его владение. Однако так продолжалось недолго — до середины XVII в. Уложение царя Алексея Михайловича подтвердило соборный приговор 1581 г. и распространило силу ограничительного приговора 1551 г.²², запретив монастырям, патриарху и епископам впредь приобретать земли каким бы то ни было образом. Правда, случаи духовных вкладов в духовные учреждения бывали уже и после этого, но редко. Монастыри сохранили, однако, громадные земельные владения и денежные средства, продолжали свои финансовые операции и разными сложными способами умудрялись присоединять себе новые земли*. Но главным способом обогащения монастырей и других духовных владельцев стало теперь извлечение доходов из огромных земельных владений**.

В XVI и XVII вв., когда в монастырях угас былой дух подвижничества, и они превратились в организованное сообщество крепко сплоченных, уверенных в завтрашнем дне, сытых и довольных собою людей***, они становятся

ства на монастырских землях надо признать не более, как предрассудком». (Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси... С. 460–462.)

* См. подробнее об этих способах: Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М., 1906. С. 574–575.

** Вот примеры владений крупных монастырей: Троицкому Сергиеву монастырю принадлежало в Замосковном крае (без Галицкого, Вологодского и Белозерского уездов) до 210 000 десятин земли, не считая огромных пространств поверстного леса. Макарьев Калязинский монастырь в исходе 20-х гг. XVII в. имел в Кашинском уезде свыше 14 000 десятин земли, кроме поверстного леса, с 238 деревнями, в которых было 11 дворов монастырских, 97 дворов слуг и монастырских детенышей, 501 двор крестьянский и 515 дворов бобьльских. За Спасо-Ярославским монастырем в одном только Ярославском уезде по переписи 1678 г. состояло 3234 двора крестьянских и 229 дворов бобьльских. (Там же. С. 378.)

*** К концу XVI в. образ жизни монахов, по-видимому, уже определился в духе широкого использования земными благами. Например, указ 1590 г. о трапезе Тихвинского монастыря рисует изобильное питание братии не только по праздникам, но и в обычные дни. Так, во все дни месяцев подавались на обед домашние калачи, шти борщовы или капустные, сиговина подпарная, пироги

хозяевами в обычном житейском смысле, больше всего заботящихся о том, как бы не упустить какой-либо выгоды из имеющихся в их распоряжении средств. Они были не прочь, несмотря на обширность их владений и чрезвычайно выгодные привилегии, еще и понажать на своих крестьян, вынуждая с них большие денежные и натуральные сборы и тяжелые работы, что они не могли управлять своими вотчинами иначе как через приказчиков, которые могли злоупотреблять своим положением. Но именно поэтому монастыри прилагали особенно много забот к тому, чтобы контролировать деятельность своих слуг и старцев, посылаемых на приказ в дальние вотчины. Монастырские указы начинаются обычно с подробного и точного определения доходов приказчика и его помощника по служебно-административным функциям — доводчика. Иногда все содержание наказа сводилось к перечислению этих сборов*. Монастыри прибегали кроме этого к более действенному

пряженые с маком или яйцами, или блинчатые, с рыбой или сыром, сковороды (с жареной рыбой), просольное что случится, квас поддельной. Во вторники, четвертки, субботы, еще корм за упокой царской, калачи домашние, шти капустные, лососина жарена, сковороды с перцом, пироги блинчатые с яйцы, щучина под чесночком, квас поддельной, мед. При средних и меньших кормах меню несколько сокращается. На большие праздники (напр., на Светлое воскресенье) меню особенно сложно, но и на все дни Святой недели оно очень изобильно: шти, сиговина ли лососина, каша лососья, щипаная свежих подпарная, каша молочная, и по $\frac{1}{4}$ кулича приклад к обеду и ужин, и квас. На ужин: шти, млеко, ли каша крутая, ли саломата, ли серка каша, ли лососья, остатки обедние, рыба и калачи, квас же обычный. Во вторник на второй неделе по пасхе и в Троицкую субботу устраивались кормы за упокой по всех православных христианах, причем подавались в первый корм шти капустны, сиговина жарена, кундюмы... пирог блинчат, лососина просольная, квас ... (нрзб) поддельной; во второй корм — калачи монастырские, шти борщовы, пироги пряжены, сиговина подпарная, сковороды лососья, судочина просольная, квас ... (нрзб) поддельной, мед. Таких кормов было много и в другие части года. (Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. № 135. См. тут же указ о трапезе Троицкого Сергиева монастыря такого же типа). После перечисления яств во все периоды года там прибавлено дополнительное правило: «Чрез весь год потешенье крилошенам в понедельник, в среду, в пяток, в трапезе за обедом по звену рыбы, или по пирогу, а у погребя по три меры пива сыченого...»

* Напр.: Акты Археографической экспедиции... Т. 1. № 221, 225; 1836. Т. 3. № 120; Акты юридические... № 65.

средству: они предоставляли своим крестьянам некоторую автономию в хозяйственных, административных и судебных делах вотчины, давая избранным им старостам и иным выборным людям право участия в управлении вотчиной в помощь приказчику, одновременно осуществляя и контроль над его действиями. Крестьяне могли использовать это право и в случае неправильных действий приказчика, обращаясь с жалобой в монастырский собор, который внимательно их рассматривал и немедленно принимал необходимые меры. Так, в 1561 г. крестьяне жаловались Соловецкому монастырю, что приказчик берет с них оброк и пошлыны не по жалованному окладу, дает хлеб в заем и берет «с того хлеба насопь на две третью и поминки»; а когда хлеб дорог, продает его за деньги по торговой цене, а не в заем, и пашню велит «пахати сверх окладу лишек», также и доводчик неправильно берет свои пошлыны. Монастырь дал грамоту, в которой точно определил жалование и пошлыны приказчику и доводчику*, и запретил брать с крестьян рост за

* «Оброк хлебной» — «на год с выти по четыре четверти ржи да четыре четверти овса, в новую меру в Городецкую», «на Оспожин день, по сыру по сухому, а нелюб сыр и за сыр две денги»: на Покров день — по пятидесят яиц да по хлебу да по калачу»; молоть на приказчика, слугу и доводчика рожь да хлебы и солод на квасы. Кроме того доводчику — праздничных кормов с выти на Пасху и Петров день по 2 денги московскую на Рождество — 4 денги московская; осенчина с выти по 2 алтына, възжего — с дыма 2 денги в год; кого даст на поруку в селе — хоженного 1 денга московская, в волость — езду по денге московской на версту, а на правду с суда вдвое; при суде приказчика («а с ним быти в суде священнику да крестьяном пятма или шестма добрым и середним») — с виноватого пошлына с рубля по алтыну; при споре о межах и протравах — с виноватого «взятии за боран алтын, и доводчику имати езду на версту по денге, а на правду с суда вдвое». Штрафовалась поздняя явка на работу: если не придут на монастырское дело на солнечном восходе — «заповеди прищизу две денги, а доводчику с десятиком две денги». За свадьбу приказчику: «если кто выдаст дочь за волость — «куница десять денег, да с отводин хлеб да колач, а доводчику две же денги», «а женит сына, и приказчику алтын новоженной да хлеб да колач, а доводчику две же денги».

Продажа скота, сельскохозяйственных построек, продуктов, уступка участка земли ставилась под надзор приказчика: за продажу лошади и коровы за волость — «явка по московке» («а меж себя купят или меняют, и приказчику не имати ничего»), за продажу хоромного места, стога сена или копны ржи взималась также одна денга. «...Кто свой жеребей продаст или променит, и приказчику имати на том явки меновного, с обеих половин, на монастырь полпштыны; а кто про-

занятый хлеб и переводить натуральный заем хлеба в продажу его по торговой цене*. Оберегая интересы крестьян ради собственной выгоды, монастырские старцы были все не склонны уступать крестьянам в том, что касалось монастырских доходов. В той же грамоте монастырский собор не упустил обстоятельно перечислить все сборы и повинности в пользу монастыря, против которых крестьяне не должны были возражать. В первую очередь монастырь заботился о монастырской пашне, указывая ее размеры, количество посева («а сеяти Семены монастырские с выти**», по четверти ржи да по две четверти овса»), и сохранял за собой право по собственному усмотрению распределять культуры («а похочет приказщик сеяти пшеницу, или жито, или горох, или гречу, или лен, а крестьянин то пахати, на которых десятинах приказщик излюбит»). Кроме того, на крестьян

даст свой жеребей, а сам пойдет за волюсть, и на том имати похоромное сполна, а с купца имати порядное посмотра по земле и по угодыю».

Вообще, в монастырских грамотах обычно точно определяются доходы приказщика и доводчика и иногда указываются меры против их злоупотреблений. Так, уставная грамота Кирилло-Белозерского монастырского собора, данная 31 марта 1593 г., перечислив все, что полагается приказчику и доводчику, прибавляет: «А приказщиком и доводчиком незванным на пир к христианом не ездить, и кто позовет хлеба есть, или пить, ино им то волно; а доведут на приказщика или на доводчика, что они у которого крестиянина ели или пили сильно, и на том на монастырь пени два рубли...» Если приказщик или доводчик на котором крестиянине силно возьмет лишка — предписывается взыскать с них вдвое и отдать потерпевшему крестиянину. (Акты Археографической экспедиции... Т. 1. № 357.)

* «...Давати хлеб в заем, рожь и овес... не в цену, а имати у вас пылового и на умер на год с четверти со ржи по четыре денги по Московскую, а овса с четверти же по две денги по Московскую; а по грехом которого году хлебу недород, и которые крестьяне за нужу учнут тем заемным хлебом окладываться, и приказчику имати то пыловое с четверти на год, со ржи по четыре денги, а с овса по две денги с четверти, с того откладного хлеба на всякой год».

** Под вытью первоначально разумелся участок земли, обрабатываемый силами одного конного работника. В XVI и XVII вв. в дворцовом хозяйстве и, вероятно, в монастырском, на выть считалось сначала 5 дес. крестьянской запашки без обозначения качества земли, а когда стало различаться качество ее, то 5–6–7 десятин (10–12–14 четвертей) доброй, средней и худой земли, причем на выть наддавалось по 1 дес. для посопного хлеба в тех случаях, когда он взимался. (Шумаков С. Выть // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 12. Стб. 106.)

возлагалась подводная повинность*, возведение и ремонт монастырских построек** и сверхурочные «почетные» работы***. Крестьянам предписывалось бережно относиться к монастырским лесам****.

Заботы монастырских старцев о расширении и тщательной обработке монастырской пашни усиливаются в особенности с конца XVI в. в связи с развитием сельскохозяйственного кризиса. Запустение деревень вследствие массового бегства крестьян побуждает землевладельцев того времени внимательнее относиться к собственной пашне, на которой они эксплуатируют труд оставшихся крестьян и холопов наиболее выгодным для себя образом. Распространение владельческой пашни с 70-х и 80-х гг. XVI в. было общим явлением, но оно особенно ярко выразилось в хозяйстве монастырей. Владельческая пашня особенно энергично вводилась там, где земледелие было в большом упадке, где преобладавшая ранее трехпольная паровая-зерновая система сменилась переложной*****.

* «Да с тех же с вытей, с выти, привозити на монастырской двор по два возы дров да полененых по третьему возу сосновых дров на квасы, да по десяти полен лучины, також крестьяном. А повоз везти к Вологде с выти по лошади, а на лошади везти по о четыре четверти ржи, а овса по шти четвертей; а с Вологды везти на тех же конех... на выть по полутретьяцати пудов соли; а пшеница и горох, и семя и крупа запарная, и толокно, класти против ржи, а солод и гречневая крупа класти на лошадь по пять четвертей»; если же крестиянину не случится ничего везти, предписывалось взять с него «за подводу по четыре гривны Московскую».

** «А двор монастырской и гумно крестияном поделовати, и которые хоромины пристареют и в тех хором место новые хоромы ставити».

*** «...А коли приказщик позовет на монастырское дело крестиян в честь, сверх урочного дела, и кто придет, и приказщику тех людей кормити монастырским хлебом».

**** «А у которых крестиян в полях рощици, и им тех рощиц беречи, а на дрова и жерды к изгородам не сечи», если же понадобятся, доложить приказщику и брать с его разрешения, иначе — штраф в полполтины на монастырь. (Уставная грамота Соловецкого монастыря, Бежецкого Верха, села Пузырева крестиянам, дана 2 мая 1651 г. // Акты Археографической экспедиции. Т. 1. № 258.)

***** Всего больше — в Московском, Дмитровском, Владимирском и Переяславль-Залесском уездах. По книге 1592–93 г. Троицкой Сергиев монастырь в вотчине Переяславль-Залесского уезда имел 819 четвертей монастырской пашни в каждом из трех полей или 1228,5 десятины во всех трех полях. Это самый

В XVII в., когда главным источником монастырских доходов становится хозяйство в монастырских имениях, наставления приказщикам о монастырской пашне становятся особенно обстоятельными. Это сообщает им иной характер по сравнению с наказами XVI в. Кроме обычного перечисления приказщицких доходов и пошлин, административно-полицейских правил, мер, принимаемых для того, чтобы монастырских крестьян не давать в обиду ни посторонним лицам, ни самим приказщикам, в наказах XVII в. обычно содержатся и подробные технические наставления о подготовке почвы, обработке, посеве и уборке хлебов на монастырской пашне.

Так, в наказе приказщику одной вотчины Суздальского Покровского женского монастыря некоему Федору, данном главноуправляющим вотчинами этого монастыря Воином Лукьяновичем Корсаковым²³, читаем: «А десятинную монастырскую пашню Федору велети пахати... крестьяном во время, не испуста пашенного и посевного времени, а семен на ту десятинную пашню высевати на десятину по две чети ржи, по четыре чети овса... И велети крестьяном монастырская пашня пахати во время, наперед своей крестьянской пашни, не испустя пашенного и посевного времени: и велети ту пашню пахати намягко, чтоб груд не было, а нероранья б пашни меж ораных борозд крестьяне не пропускали; а навоз на монастырскую десятинную пашню велети крестьяном возить с монастырских дворов...» Если же его нет там или недостаточно, то возить с «крестьянских и с бояльских дворов, на выть по сороку колышек мерных, а меры в колышке в длину семь пядей, а поперег четыре пяди, а в верх три пяди: и того ему смотрити и беречи накрепко, чтоб крестьяне на монастырскую пашню навоз возили по сему

высокий размер монастырской пашни, но вообще в большинстве монастырских имений Центральной области монастырская пашня превышала 100 четвертей в каждом из трех полей — низкую норму среднего служилого владения. Иногда монастырская пашня обрабатывалась холопами («детенышами»), но такие случаи были довольно редки. Число детенышей несколько увеличилось, по-видимому, к концу XVI столетия, но тогда их было не много по сравнению с пашенными крестьянами. (Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси... С. 132–133, 141–143.)

наказу сполна и на ближняя и на дальняя десятины ровно, а не доведши... до пашни по лесом и по врагом, для своей легости, навоз крестьяне не метали, чтоб однолично монастырская десятинная пашня унавожена была вся гораздо». Когда хлеб поспеет, «жати и в кладу класти в ведренные дни, высушивая гораздо», скирды и одонья ставить «невеликие», не больше ста сотниц в кладу, велеть их «укрывать гораздо, чтоб сверху дождем не набивало», а снизу «намащивати и соломой настилати гораздо, и борозды круг кладей окапывать, чтоб полою водою не подмочило», «оплести плетеном высоко, чтоб животины не ела и не отирала». Молотить хлеб должны те же крестьяне, которые пахали, и притом «бережно, и из соломы б и из колосу вымолачивати гораздо и из ухоботья и из мякин вывевати дочиста, и тем бы хлебом крестьяне не корыстовалися и ночью и иными некоторыми обычаями того хлеба не крали и животиною не травили». Корсаков озабочен тем, чтобы монастырская земля обрабатывалась возможно полнее. «А крестьян ему (приказщику. — В.Ж.) из-за монастыря не выпущати никуды»: на пустые места вызывать охотников, из своего же села и деревень, детей, братьев, племянников, подсосудников, с льготой в год, два и три, «смотря по пустоте и по угодию, а болши четырех лет лготы не давати». На сторонах у вотчиников и у помещиков, опричь Покровских земель, пашен пахать и сена косить наймывати нигде никому не велети, чтоб монастырские села не пустели и пашня не запереложела». Возможно, что в связи с падением ценности рубля после Смутного времени, натуральный доход с крестьян предпочитается денежному*. Корсаков запрещает отдавать пустые пашни из денежного оброка, а предписывает «давати крестьяном пустых вытей пашни пахать из выделнаго хлеба, из третьего, или

* В XVI в., в связи с общим развитием денежного хозяйства, монастыри, подобно другим владельцам, переводили натуральные оброки в денежные, а также переводили на деньги не взимавшиеся в дополнение к оброку, мелкие натуральные сборы. В 90-х гг. XVI в. в описаниях вотчин Троицкого Сергиева монастыря в разных уездах Московского Центра везде отмечается денежный оброк. Троицкий Свяжский монастырь брал денежный оброк в Свяжском и Казанском уездах в 1593–94 г. В 1594 г. денежный оброк платили белозерские вотчины Троицкого Сергиева монастыря и т.д. (Там же. С. 234–258.)

из четвертаго, или из пятого снопа... как бы было монастырю прибылнее». Урожаю должно вести строгий учет, для чего должны быть заведены «посевные и ужинные и опытные списки». «А на опыт молотить ему хлеба добраго, и среднего и худого, по сотнице, и по две и по три». В ужинных книгах писать «по счоту сколко с которой десятины числом снопов... будет». В посевные списки вносить, сколько хлеба действительно было высеяно, остаток же семян перемерить и ссыпать в монастырскую житницу, «не замочтав отдати в съезжей избе Воину Лукьяновичу Карсакову», — посевные списки по яровому хлебу на вешний Николин день и не позднее Троицына дня, а ужинные и опытные списки — «на Семен день Летопроводца»*. Крестьянский урок составлен на выть — «пахать крестьяном монастырския пашни по две десятины, да взгону на выть по десятине в поле, а в дву потому же...» При обработке крестьянами пустых земель из доли урожая выделяемый монастырю хлеб должен быть обмолочен теми же крестьянами, которым в вознаграждение за этот труд отдается солома и мякина от вымолоченного хлеба**. В наказе, данном властями Савво-Сторожевского монастыря строителю приписного к нему Спасо-Зарецкого монастыря, старцу Боголепу Калуженику в 1681 г.²⁴, находим ту же черту — старание по возможности расширить монастырскую пашню и следить за тщательностью крестьянской работы: «...Монастырским крестьяном велеть монастырскую пашню пахать... против прежняго с прибавкой, а десятину мереть в длину по осьмидесят сажен, а поперег по сороку сажен,

* 1 сентября по старому стилю.

** Акты Археографической экспедиции. Т. 3. № 217. В наказе перечисляются по обычаю полицейские правила для крестьян, но в то же время приказщику внушается оберегать интересы крестьян и следить за тем, чтобы выборные крестьяне (старосты и целовальщики) не злоупотребляли своим положением — чтобы между старостами и целовальниками не было воров и ябедников; чтобы они сменялись ежегодно, чтобы они не тянули в сторону своих родственников, и чтобы от них младшим крестьянам обид и насилья не было. Сам приказщик не должен чинить обид крестьянам, и если он будет уличен в этом и небреженье к своим обязанностям, и к монастырю будет от этого какая «поруха или истеря», тогда тот хлеб, что его нерадень в истере будет, и того села и деревень крестьянские убытки будут доправлены на нем вдвое, да ему ж за то быти, по государеву указу, в пене и наказанье...

а старостам и целовальником приказать накрепко, чтоб крестьяне монастырскую пашню пахали без целизны и хлеб сжали во время, средним севом, ни часто ни редко...»*. Также предписывается вести ужинные, умолотные и укосные списки, при вступлении в управление монастырем описать весь его инвентарь — в том числе хлеб, скот, дворы и в них крестьян поименно, отметить и беглых («сколь давно выбежали и от чего»), за крестьянами установить бдительный надзор, через выборных старост и десятских, и крестьянам «заказать накрепко», чтоб они «безъявочно никто никуда не ездили, а кому куды ехать случится, и оне б явились у тебя строителя, или у старосты и у десятских, а кто безъявочно куды поедет, и тем людем чинить наказанье». Также и продавать и покупать крестьянам разрешается только с явкой (причем с них взимается пошлина), «а будет кто что безъявочно купит или продаст, а сыщется про то допряма, и на тех людех велеть пени править по два рубли». Наказ ограждает в то же время, по старому обычаю, и крестьянские интересы: для сборов на монастырь они выбирают целовальника, для общих дел — старосту и десятских, при поездках в город по крестьянским делам строителю предписывается «брать с собою из крестьян старосту, или целовальника, или выборных людей, кого оне крестьяне промеж себя выберут». Пустоши предлагается «отдавать своим крестьяном из третьего или из четвертого или из пятого снопа», а если не захотят, то «из оброку, смотря по тамошнему, какбы монастырю прибылнее»**.

* В первое время после Смуты заботы о расширении монастырской пашни сводились главным образом к тому, чтобы восстановить ее прежние размеры. Настолько энергично монастыри взялись за это дело, видно из того, что во владениях Троицкого-Сергиева монастыря почти везде, где монастырская пашня существовала в 1591–1594 гг., она вновь находится уже в конце 1620-х гг. После этого монастыри относятся к дальнейшему расширению монастырской пашни различно, и даже на землях, вновь колонизируемых, монастыри не всегда заводили собственную пашню. Случаи применения холопского труда («детенышей») на монастырской пашне были редки и в XVII в. встречались главным образом на землях, лежавших вблизи самого монастыря. Но и здесь хозяйства с исключительно холопским трудом бывали, по-видимому, только в немногих отдельных случаях. (См.: Готье Ю.В. Замосковский край... С. 497–501.)

** Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5. № 65.

К концу XVII в. денежное хозяйство начинает, как видно, опять восстанавливаться*, от монастырской пашни монастыри отказываются, однако, неохотно.

В 1688 г., по просьбе игумена, приписного к патриаршему дому Боголюбова монастыря²⁵, который жаловался, что у них «крестьяне на монастырь пашни пашут малое число, не против иных... наших монастырских вотчинных крестьян», была дана ему обстоятельная уставная грамота с определением очень крупного размера монастырской пашни — по четыре десятины на выть, на десятину в 80 x 40 сажень, во всех трех полях. На оброк же приписывается отдавать только ту землю, какая остается за отводом пашенной монастырской земли и надельной земли крестьянам (по семи десятин на выть). На деньги перелagается лишь сбор столовых запасов, овчин и холста — по рублю с выти в год**. Приведен еще один пример

* В окладной памяти, данной 1 июня 1674 г. игумену Владимирского Боголюбова монастыря Никону, предписывается в одних деревнях вести монастырскую пашню, «на монастырь пашни пахать по три десятины на выть в поле, а в дву по тому же, сена косить на выть по двести копен... и с поля хлеб сжать, и измолотить, и сена сметать, велеть им же крестьяном», а с других деревень «имати б вам в монастырскую казну, вместо пашни и жнитва и молотбы и всякого издělья, кроме сенокосу и на строение бревенного лесу и тесу и скал и лубья и драниц, оброку, с десяти вытей, денег по пятидесят рублев на год», кроме того предписывается со всех монастырских вотчин «за столовые запасы, за масло и за яйца, за грибы и за грузди, за ягоды и за овчина, имать с них крестьян, на год, денег по рублю с выти». (Там же. СПб., 1843. Т. 4. № 245.)

** Грамота детально перечисляет сборы в пользу приказчика: «Хлеба с выти по осмине ржи, да по осмине овса в год, в монастырскую меру, да денег на четыре праздника, на Семень день, Рожество Христово, на Велик день (Пасху – В.Ж.), на Петров день, с выти же по алтыну, да хоженного по две денги, а езду на версту по денге; а кто подымет на межу, или на протраву, и ему имать за баран на виноватом по два алтына, да с свадьбы убусного по десяти денег; а кто купит лошадь или корову, или улей со пчелами, в своей волости, или за волостью», или продаст за волость, с того явки две денги; «а кто купит соли рогожу, и ему имать явки по четыре денги; а кто продаст двор, явки имать по алтыну с рубля с двора, а с купца четыре алтына; а кто продаст одонье ржи или овса или стог сена, или струб, явки имать по четыре денги; а которым крестьяном лучится сварить пива к празднику, или к свадьбе, или братчину сделать, явки имать с четверти по две денги; а кто наймет на время работника, и с того имать явки по две денги, и по наемном человеке имать поруки до срока, чтоб от него никакого дурна не учинилось; да ему же имать с выти по куренку, да по поярку, а не полюбится куренок или поярок, взять за куренка и за поярок по две денги; а ездить служкам, за монастырским делом,

монастырского наказа конца XVII в., избыливающий хозяйственными наставлениями, — наказ, данный Савво-Сторожевскими властями строителю Пурдышевского монастыря*. В нем, кроме обычных административно-судебных и полицейских правил, содержатся подробные хозяйственные наставления**, имеющие в виду извлечение наибольшего дохода из монастырских земель и угодий. «А приспеет весною па-

на своих лошадях, а не на монастырских». (Там же. Т. 5. № 171.) Приведен для примера определения доходов приказчика в приговоре Углицкого Покровского монастырского собора 1 дек. 1663 г.: «сборному старцу Пафнутию Кувшинову — с выти по чети хлеба, по осмине овса, до по осмине ячного солоду, да по 2 денги хмелевого, въезжего 3 денги, на 3 праздника (Рождество, Пасху и Петров день) по 3 денги с дымом; с дымом по поярку, да по десятку яиц, да по куряти, да по сыру, а если не любы, то по 2 денги, за девку, дочь или племянницу, выданную за волость, выводного — 4 алтына с деньгою, «а в одну волость — по два алтына; а кто на кого побьет челом, и ему имати по три денги езду; а случится с кем суд, и ему имати пошлин с рубля по полуосме денге; а кто поведет на исправу, на боран, и ему имати полевой боран по два алтына по три денги, и с хоженным, а дворовой и огуменной и огородной по четыре алтына; а будет кто разделится от отца сын или брат от брата, и ему имати деловых пошлин полполтины, с обоих, и всякие доходы и пошлины имати по прежнему, как през сего велось». (Акты юридические... № 65.)

В наказе Троицкого Ипацкого монастыря старцу Филарету XVII в. (без точной даты) упоминается еще «перехожий боран» (кто перейдет из села в село или из деревни в деревню) — «взять с обе стороны одну 2 алтына 1 денга» — и «валовая мера во дворах и в полях и во всяких угодьях» «имать со всяких угодей, с двора по 2 алтына по 1 денге, а где станут мерять одно поле валовою ж мерою, взять со всех один боран 2 алтына 1 денга, а кто утаясь приказчика станет мерять валовою мерою всю деревню, взять со двора по два алтына по 1 денге, а полевые имать по 7 денег». Тут же включен штраф при монастырском аресте: «кого лучится в смиренке посадить, и пожелезного имать в сутки, по 1 денге с человека». (Там же. № 334.)

* Темниковский Рождества Богородицы Пурдышевский монастырь.

** Требуется, между прочим, чтобы монастырские крестьяне исправно ходили в церковь, исповедовались и причащались; чтоб у них в домах бесовских игр, а на улице качелей не было. Такие требования часто встречаются в монастырских наказах. Например, в наказе того же года (1689), данном Тихвинским монастырем монаху Савватию об управлении Николаевским Шунским погостом, читаем: «православным христианом велеть к церкви Божии приходити необленно», смотреть, чтобы они «до великого пьянства не упивались, и корчмы бы и блядни за собою не держали, и вином и табаком не кучили, чтобы от того монастырю огласки, и им убытков и проторей, не было. Да и самому бы тебе — довольно неожиданно прибавляет наказ, — жити благочинно, и хмельного питья до великого пьянства не напиваться». (Акты исторические. Т. 5. № 177.)

хотное время, и монастырским крестьяном велеть монастырскую пашню пахать во время, без целизны, а хлеб сеять средним севом, ни часто, ни редко... пахать все три поля сряду, в одном месте, чтоб меж тое монастырские десятинные пашни крестьянских полос не было»*. «А как Бог совершит и поспеет хлеб ржаной и яровой, и тот хлеб... в ведренные дни жать, и возить... на кладовой двор, и класть в скирды и накрывать соломою, чтоб от дождя не намокло, а сколько копен ужато и складено в скирды какого хлеба будет, и то писать на роспись, и тому хлебу с старостами и с целовалники чинить опыт, и по чему какого хлеба с овина умолоту будет, и то велеть писать в умолотые списки и присылать к нам без замотчания в Савин монастырь...» «Да им же Пурдышевским крестьяном велеть, по розвытке, на монастырских сенных покосех (31 десятины с лесом. — В.Ж.), сено косить и в копны в двусаженные грести, а в скирды и в стоги метать» — «и тот лес, который есть в той округе, велеть крестьяном срубить и росчистить в сенные же покосы». Предписывается также косить и расчищать другие сенные покосы (48 дес.) по Краснослободской дороге. За правильным отбыванием работ был установлен строгий надзор: «... А кто по наряду из крестьян в монастырской работе огурится и сколько дней на работе не будет, и на тех огурщиках велеть править огурного за всякой день по гривне, и тех огурных денег половину иметь строителю, и казначею, и слуге, которой слуга у них крестьян у работы в наряде будет и на огурщиков известит»**. Наконец, на

* Монастырской пашни было всего 225 десятин, мерой 80 x 40 сажен («семдесят пять десятин в поле, а в дву потомуж»). Озимое поле засевалось рожью, и об этом старцы считали излишним давать конкретные указания; относительно же ярового поля, на котором были возможны разнообразные культуры, наказ ставит точные требования: «а в яровом поле на Коровье стану по вся годы непременно сеять семен указное число: пшеницы пять десятин, ячмени пятнадцать десятин, гречи десять десятин, гороху две десятины, полбы три десятины, овса сорок десятин».

** Аналогичные меры против лености монастырских крестьян находим в наказе XVII же века Троицкого Ипацкого монастыря старцу Филарету: «... А кои крестьяня на монастырской двор на сходы или на монастырские изделия ходить не станут и учнут огуряться, и на них править за их непослушания в монастырь по 10 денег с человека, приказщиком хоженного по 1 денге; а кто беден и его смирать монастырским смирением (т.е. посадить в монастырскую тюрьму. — В.Ж.), чтоб впредь никому огурятца было неповадно...» (Акты юридические... № 334).

пашенных крестьян (вместе с оброчными) падала еще и подводная повинность: «... А уставится зимней путь, велеть наряжать старостам под хлеб и под хлебные запасы крестьян с подводами, Пурдышевских (пашенных. — В.Ж.) и Шигонских (оброчных. — В.Ж.), указное число, сто пятьдесят подвод, и насыпать на те подводы монастырской хлеб и хлебные запасы, и высылать их к нам в Савин монастырь с тем хлебом и с хлебными запасы по вся годы в полности, без убавки».

Кроме пашни в Коровьем стану монастырь имел при селе Шигоне еще новоотводную пашню, в двух местах — по 80 и по 52 ½ дес. в поле, а в дву потому ж, сдаваемую крестьянам по оброку, или исполу, причем монастырь требовал, чтобы крестьяне «мимо тое наши монастырские пашни, на сторонах пашенных земель себе для хлебного сева... не нанимали, а та б наша монастырская земля впусте не лежала...» Как мы видели, шигонские крестьяне, кроме оброка, обязаны были участвовать вместе с пашенными пурдашевскими и в подводной повинности.

Монастырь пользовался крестьянским трудом и на принадлежащих ему видимо обширных рыбных ловлях: «А рыбные ловли в Мокше реке и в озерах, ловить рыба на всякой монастырской расход монастырским неводом, а невод делать из монастырские пенки, пряжу прясть монастырским крестьянам, а от дела того невода давать казенные денги, а мерою невод делать длиною сорока сажен, а матица 5 сажен, а к той рыбной... ловле иметь крестьян по очереди по шти (шести. — В.Ж.) человек, промеж деловой поры, а в оброк озер и в реке рыбных ловель никому не отдавать, только пущать ловцов монастырских крестьян, с их ловецкими снастями самоловными и с ботальными сетми, по реке Мокше, кроме озер, и давать им ловцам на работу и на снасти половину уловной их рыбы, а другую половину иметь в монастырь...»

Будучи строгим по отношению к крестьянам, монастырь оберегал их от произвола приказщика, устанавливая участие самих крестьян в их делах. Когда строитель едет в город по крестьянским делам, «и ему, строителю, брать с собою из крестьян старосту, или целовалника, или выборных людей, кого они крестьяне, промеж себя выберут», однако, без ущерба монастырским средствам: «и держать себе в харчь и в конский

корм и во всякие почестные дачи денги и хлеб их крестьянское, и потомуж велеть записывать, а монастырских денег, и хлеба и хлебных запасов, себе в харчи и в конский корм и во всякие почестные дачи от их крестьянских дел не держать»*.

Сосредоточив свои усилия на извлечении возможно большего дохода из своих вотчин за трудностью приобретать новые денежные владения, монастыри все более превращались в прижимистых хозяев, эксплуататоров крестьянского населения, которое отвечало им на это побегам и буйными восстаниями**.

Вообще, как видно из приведенных образчиков монастырских наказов XVII в. (а они все однотипные), монастыри, подобно крупным светским владельцам, заботились о хозяйстве только в смысле его экстенсивного расширения на неосвоенные еще земледельческой культурой пустые принадлежащие им земельные пространства и не вели пристального наблюдения за работой людей, поселенных на их землях, в пределах установившихся технических приемов хозяйства. В них нет ни намек на какое-либо движение мысли в сторону сельскохозяйственных улучшений, позаимствований у более культурных народов. В соседней Германии в то время развивалось уже широкое движение агрономической мысли, опиравшееся на классические памятники и сельскохозяйственные практики передовых стран, но к нам оно еще не доходило. Русские ученые монахи и другие духовные лица мало интересовались светскими науками, а свое западное просвещение заимствовали больше из католической, культурно сравнительно мало развитой Польши, чем из протестантских стран. Они интересовались и иногда даже доходили до увлечения художественной литературой, писали длиннейшие вирши, сочиняли духовные драмы, пробовали силы в составлении грамматики и писали истории, но до теоретического или хотя бы книжного изучения сельского хозяйства так и не добрались. Поэтому они не установили для своего класса никакой традиции в этом отношении, и когда

реформы XVIII в. выдвинули на арену умственной деятельности служилое сословие, оно взялось за работу в области сельскохозяйственных проблем без всякой предварительной помощи и подготовки со стороны лучших хозяев Московской Руси — монастырей и других духовных владельцев.

* Акты исторические. Т.5. № 191.

** Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. С. 410–411 (разд. паг.)